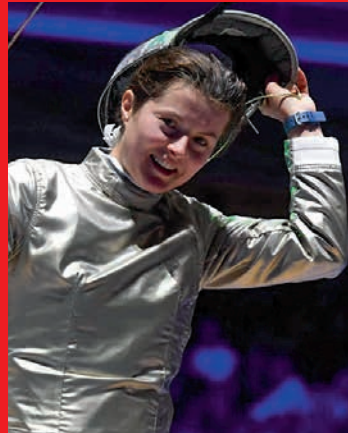

ФЕХТОВАНИЕ

№4(36)/2019

T+
TISSOT
SWISS WATCHES SINCE 1853
INNOVATORS BY TRADITION

T TOUCH EXPERT™
с 15 функциями, включая **метео**,
альтиметр и **компас**.

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

барометр **альтиметр** компас

Узнай больше на www.t-touch.com

Дорогие друзья!

В ваших руках специальный выпуск альманаха «Фехтование», ставший уже традиционным. В нем мы собираем самые интересные интервью со спортсменами из разных стран мира. Естественно, герои наших материалов – это топовые фехтовальщики, чей путь к пьедесталу не всегда, а точнее, никогда не усыпан розами. Зачастую они побеждают не благодаря чему-то, а вопреки – и этим как раз интересны.

В номере вас ждет сюрприз – подборка интервью с фехтовальными парами, которых в нашем виде спорта достаточно много. Как уживаются яркие лидеры друг с другом, кто из них кому уступает, за кого болеет – в тех случаях, когда любимый человек является представителем другой страны? На все эти вопросы нам отвечают представители трех самых ярких тандемов мирового фехтования.

Приятного чтения!

**Главный редактор
Елена Гришина**

Учредитель –
Федерация фехтования
России

Редакционный совет
Александр Михайлов
Андрей Старцев

Главный редактор
Елена Гришина
elegrishina@gmail.com

Выпускающий редактор
Александра Балаева
avalaeva@gmail.com

Ответственный секретарь
Алексей Попов

Дизайн и верстка
Аркадий Бабиц
Дизайн-студия
«Аркадия Графикс»

Корректор
Илья Бурд

В работе над номером
принимала участие

Мила Волкова
В номере использованы
фотографии Augusto Bizzi,
Александры Валаевой,

Издательство ООО «медиаСКИ»
129110, г. Москва, ул. Б.
Переяславская, д. 46, стр. 2,
пом. 2, комн. 58, цоколь
Генеральный директор
Елена Болтенко
elena.boltenko@gmail.com

Отпечатано в типографии
полиграфической компании
«Вива-стар»
Москва, ул. Электrozаводская, д. 20

ЗНАКИ СУДЬБЫ 4

Стать фехтовальщиком одному из сильнейших рапиристов мира Рэйсу Имбодену помогла цепочка случайностей

БАЛЕРИНА С РАПИРОЙ 12

Француженка Изаора Тибу считает, что в фехтовании, как и в танцах, очень важны чистота линий и чувство ритма

ИЗ БРИТАНИИ С ЛЮБОВЬЮ 46

Ричард Крюз – многолетний лидер сборной Великобритании по рапире

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА 54

Одна из самых грозных соперниц российских саблисток – француженка Сесилия Бердер

БОРЕЦ ЗА ФЕХТОВАНИЕ 18

Немецкий саблист Макс Хартунг совмещает карьеру спортсмена высокого уровня с борьбой за права атлетов

ОЛИМПИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ 58

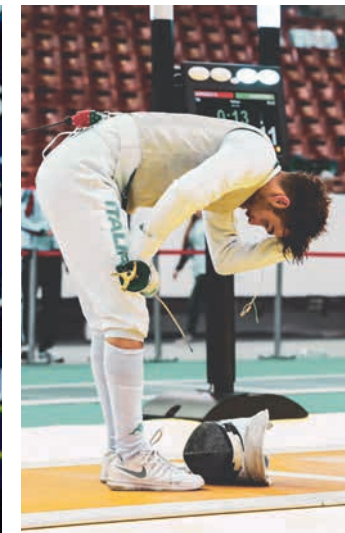
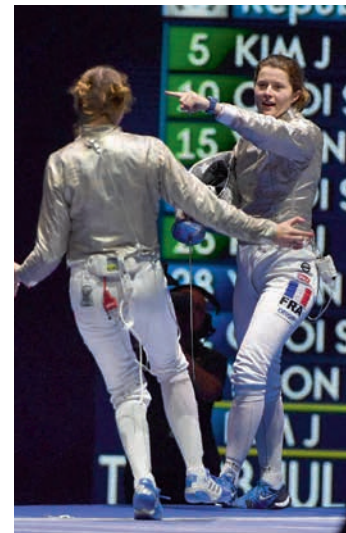
Как Олимпиада в Рио изменила жизнь итальянских рапиристов Аличе Вольпи и Даниэле Гароццо

МЕЖДУ РАПИРОЙ И САБЛЕЙ 26

Несколько лет назад рапиристка Арианна Эрриго стала выступать и в соревнованиях саблисток и добилась в этом виде оружия неплохих результатов

БОЛЬШОЙ «МАЛЕНЬКИЙ» МУЖЧИНА 32

Один из самых невысоких фехтовальщиков современности, француз Эрванн ле Пешу, готовится выступить на своей пятой Олимпиаде

СПОРТ И ПОЛИТИКА 66

Венесуэльская саблистка Александра Бенитес, не прекращая выступлений на дорожке, успела поработать министром в правительстве Николаса Мадуро

ВОСТОК И ЗАПАД 48

Беседа с первой в истории тунисского фехтования олимпийской медалисткой Инес Бубакри

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД 78

Член большой фехтовальной семьи саблист Сандро Базадзе – пожалуй, лучший грузинский фехтовальщик за последние 25 лет

РЭЙС ИМБОДЕН RACE IMBODEN

- США, 26 лет
- Рапирист,
фехтует левой рукой.
- За национальную сборную
выступает с 2011 года.
- Участник двух Олим-
пиад: 2012, 2016.
- Бронзовый призер
ОИ-2016 в команде.
- Чемпион мира –
2019 в команде.
- 6-кратный победитель
Панамериканских
чемпионатов.
- Пять побед на этапах
Кубка мира, две – на
турнирах серии Гран-при.
- Обладатель Кубка
мира – 2015.

РЭЙС ИМБОДЕН ЗНАКИ СУДЬБЫ

Мила Волкова

Он не боится экспериментировать, готов переехать в другую страну, чтобы иметь возможность работать с лучшим тренером и стать олимпийским чемпионом. Его фехтование – это сочетание советской, американской и итальянской школ. А само знакомство с этим видом спорта было предначертано свыше.

– Давайте знакомиться, спецгент Рэйс. Расскажи, почему родители тебя так назвали.

– Дело в том, что мои родители очень любили все, что связано с юмором, и в итоге отец назвал меня в честь одного из мультипликационных персонажей – Рэйса Бэннона, который действительно был спецгентом и телохранителем. Это очень старый мультфильм о приключениях Джонни Квеста. При этом мы совершенно с ним не похожи внешне.

– Но имя-то обязывает – не планируешь в будущем стать правительственным служащим или спецгентом? Физическая подготовка уже на уровне.

– Нет, ничего такого в моих планах нет. (Смеется.) Хотя отец говорил, что это был бы отличный вариант для меня, потому что я очень много путешествую. Получилась бы захватывающая история, но не моя. А вот имя мне очень нравится. Оно связано с движением и скоростью – отлично подходит для спортсмена.

– А какая твоя самая сильная сторона как фехтовальщика – скорость, тактика или что-то другое?

– В первую очередь это мой мозг. Благодаря ему я побеждаю. Потому что скорость и техника позволяют тебе нанести укол. Но также очень важно выбрать правильный момент и правильную дистанцию, чтобы это осуществить. И быть к этому готовым.

– Как ты начал заниматься фехтованием?

– Сначала я занимался BMX, участвовал в гонках.

Потом были ролики, я также играл в футбол. В общем, перепробовал много разных видов спорта. Но фехтование – то, что по-настоящему меня зацепило. Я влюбился в этот вид спорта. Когда был маленьким, мне очень нравились игрушечные мечи, рыцари, самураи и гладиаторы. И когда я увидел, что могу фехтовать, как они, сразу ухватился за эту возможность.

– Ты специально искал такой вид спорта или это вышло случайно?

– Абсолютно случайно. Я играл с палочкой в парке, пытался ею фехтовать, и какой-то человек подошел к моим родителям и сказал, что мне стоит попробовать заняться фехтованием. При этом никто в моей семье никогда раньше не интересовался этим спортом. Наверно, то была судьба.

– А вообще у тебя спортивная семья?

– Не особенно. Во всяком случае, не на профессиональном уровне. Мой отец занимался борьбой, пока учился в колледже. Но больше ничего серьезного не было.

– И вы специально переехали в Нью-Йорк, чтобы ты имел возможность фехтовать? Или предложение поступило уже в Нью-Йорке?

– Нет, та история в парке случилась в Атланте. Мы тогда жили в Атланте, штат Джорджия, и именно там я первый раз попробовал заняться фехтованием. А потом уже мой отец, который работал в CNN,

должен был по долгу службы перебраться в Нью-Йорк. И мы, естественно, переехали вместе с ним. Мне тогда было 8 лет. И тогда мне повезло второй раз – место, где мы жили, было через дорогу от фехтовального клуба.

– Действительно судьба. А потом был еще один переезд – уже целенаправленно к Сергею Голубицкому?

– Да, в Калифорнию. Это был незабываемый опыт. Сергей – уникальный фехтовальщик. Я хотел понять его стиль, изучить украинскую и советскую школу фехтования. Все мои тренеры до Голубицкого были американцами, поэтому я решил попробовать поработать с ним. Советская/русская школа очень техничная: вашим тренерам нравится, чтобы все было сделано в правильной позиции, четко и точно. Так что мы много с ним «воевали» по этому поводу. Но Сергей очень сильно изменил мой стиль фехтования и технику.

– Это правда, что в детстве ты был его фанатом?

– Абсолютно. Я изучал его технику, его бои и был фанатом в плане фехтования.

– Кроме него у тебя были ролевые модели в фехтовании?

– Да, в юности моими любимыми фехтовальщиками были Андреа Бальдини и Питер Йоппих. Я постоянно наблюдал за тем, как они фехтуют.

– На мой взгляд, они очень разные.

– Да, но, когда ты молод, просто наблюдаешь за лучшими. И они тебя вдохновляют. Бальдини был очень силен и к тому же левша. Мне нравилось его чувство дистанции. А Йоппих был чемпионом камбэков, к тому же он выиграл четыре чемпионата мира. У него стальные нервы, так что мы зовем его iceman. При этом он отличный парень. Мне очень повезло, что удалось пофехтовать с ними обоими. Это круто. Плюс я наблюдал за американской командой. Там были Джед, Дэн и Джон. Они были лучшими в США. Поэтому для меня было очень круто видеть, как они тренируются в том же зале. Но Голубицкий был на первом месте.

– Тогда почему ты решил уйти от него и начать работу со Стефано Чериони?

– Дело в том, что я люблю очень много и усердно тренироваться. И мне нужен человек, который будет разделять мои цели. А в последнее время моей работы с Сергеем у меня не было веры в то, что это нужно так же, как и мне. Пропало чувство, что мы движемся в одном направлении. Казалось, что Сергей больше сосредоточен на чем-то другом: бизнесе, своих проектах. А я хотел полностью сфокусироваться на подготовке к Олимпийским играм и быть уверенным, что выдаю и получаю максимум на тренировках. И в итоге буду хорош настолько, насколько это возможно.

– Что тебе дал Чериони? Очередное изменение стиля?

– Свободу, профессионализм. Мне очень нравится тренироваться с Чериони. Он очень скромный человек, но при этом стимулирует к тому, чтобы работать как можно больше. Тебе хочется фехтовать и фехтовать, получать как можно больше уроков. Мне очень нравятся итальянские парни и их подход. Для них фехтование – не работа, а стиль жизни. Ты приходишь в клуб каждый день и чувствуешь, что живешь этим по-настоящему. Это кардинально отличается от того, что у нас в Америке. Изменения стиля тоже есть, но незначительные, они не касаются позиций, больше по части баланса. Думаю, у меня уже сформировался свой стиль. Что-то я взял у Сергея, что-то у других тренеров, а в итоге это уже моя уникальная техника. Я никого не копирую, и никто не фехтует так, как я.

– Эта идея сменить тренера принадлежит тебе или твоей девушке – Изауре Тибу?

– Нам обоим. Мы обсуждали возможность перехода и пришли к выводу, что это будет лучше для нас обоих.

– Вы с ней вдохновляете друг друга?

– Без сомнения. Мы с Исой вместе постоянно. Мне очень повезло. Без нее мое путешествие могло бы быть очень одиноким. А с ней все просто замечательно. Я очень рад, что у меня есть Иса и Стефано Чериони. Мы отлично понимаем друг друга. Иногда без слов, во всяком случае не приходится объяснять многие вещи. Конечно, в любых отношениях бывают сложности, но чаще все просто замечательно. Она очень сильно поддерживает меня, а я, в свою очередь, поддерживаю ее. Хочу, чтобы она выигрывала. Так что для меня гораздо сложнее смотреть, как она фехтует, чем фехтовать самому. Я сильно нервничаю и переживаю за нее. Хотя я сам не меньше нацелен на победу. Мы оба много работаем, чтобы побеждать. И хотим быть максимально готовыми ко всем соревнованиям. Сейчас у нас очень важный сезон. Начинается квалификация на Олимпийские игры в Токио. И каждый турнир будет иметь важное значение.

– Встрече с Исой тоже предшествовал какой-то знак?

– Нет, хотя... возможно. Мы знакомы очень-очень давно. Я видел ее издалека много раз. И всегда считал ее привлекательной. А потом в Рио мы разговорились на вечеринке после соревнований. Я пригласил ее приехать в Нью-Йорк после Олимпийских игр. Так что все произошло очень быстро.

– У тебя достаточно призовых мест на этапах Кубка мира, но при этом нет ни одной личной медали чемпионата мира. Почему?

– Думаю, что это проблема ментального характера. И мы, безусловно, будем над этим работать. Уверен, скоро придет и личная медаль. Я хорошо фехтую, много работаю и уверен в своем фехтовании. Так что результат приложится. Не могу сказать когда, но он точно придет.

– Тем более что соперники те же самые.

– Да, соперники те же самые. Я стараюсь выступать хорошо на каждом чемпионате, но иногда в жизни приходится ждать.

– Ваша команда много путешествует – что в итоге получается с логистикой?

– По физподготовке я работаю с Маурицио Дзомпарелли, который живет в Лос-Анджелесе. И летом, когда не сезон, мы проводим много времени там, чтобы привести в форму свои физические кондиции. Но при этом в Америке хорошие фехтовальщики рассредоточены по всей стране. Поэтому у нас нет одного места, где все могли бы собраться и фехтовать. Алекс Массиалас в Сан-Франциско, я в Лос-Анджелесе, Майлз Чэмли-Уотсон в Нью-Йорке, а Герек Мейнхардт в Кентукки. Поэтому мы не можем проводить спарринг-поединки друг с другом каждый день. А это очень важно, как говорит Стефано Чериони. Поэтому он попросил нас Исой приехать в Ези, чтобы тренироваться с хорошими фехтовальщиками.

– То есть раньше тебе этого не хватало?

– Раньше я в основном работал с молодыми фехтовальщиками. Это отлично для них, но не лучший вариант для меня.

– Для меня всегда было загадкой, как вы живете в разных местах, но при этом умудряетесь прекрасно фехтовать в команде...

– Это часть американского менталитета. Мы знаем друг друга с детства. Одни и те же ребята входят в команду на протяжении многих лет. Американцы обладают духом свободы. Мы гордимся собой и уверены, что можем прекрасно выступить как команда, будучи очень сильными индивидуалистами. Мы все абсолютно разные, и нам нравится наша непохожесть. Часто при централизованной подготовке фехтовальщики получают одинаковыми. У нас все наоборот. Мы разные, и это наш козырь. Вообще американское фехтование сильно продвинулось по сравнению с тем, что было в моем детстве. Тогда у нас не было никаких медалей. А теперь у нас их много, и это здорово.

– Фехтование – не самый популярный вид спорта. Растущие результаты помогают тебе продвигать его в стране?

– Да, я запустил специальный веб-сайт. Это моя персональная программа, которую я назвал Guard. На мой взгляд, в Интернете очень мало информации по фехтованию. Все, что есть, это в основном олдскул. Я хочу предоставить современную информацию всем фехтовальщикам в США и в мире, у которых нет поблизости хорошего клуба и хорошего тренера. Им необходимо увидеть, что такое хорошее фехтование. Таким образом они будут учиться онлайн. Плюс это поможет распространению фехтования в мире.

– Но фехтование – это в первую очередь практика. Чему можно научиться онлайн?

– Дело в том, что у нас в Америке сложилась весьма специфическая ситуация. В Нью-Йорке и Калифорнии много хороших тренеров и клубов, а также сильных фехтовальщиков. Русские, украинские тренеры помогают заложить хорошую технику. То, что мы называем базой. Там у спортсменов достаточно и теории, и практики. Но в средней части страны такая база отсутствует. И они демонстрируют весьма странное фехтование. Делают приемы, но не понимают зачем. И вот этим детям я хочу дать возможность увидеть, что такое настоящее фехтование. Они также могут задать в режиме онлайн любой вопрос: такая опция предусмотрена на сайте.

– То есть это как видеопросмотр вместе с тренером?

– Абсолютно точно. При этом, если у меня возникает вопрос, я могу задать его своим товарищам по команде, своему наставнику и получить хороший ответ. Но если у меня нет хорошего тренера, то я спрошу-то спрошу, но получу плохой ответ. Таким же и будет мое фехтование. Оно ведь базируется на понимании, что такое тактика и техника.

– Ты упомянул о возможности задать вопрос и получить ответ...

– Да, у нас есть два варианта. Первый – это страница на сайте. Она дает базовую информацию, и это бесплатно. Второй – группа в «Фейсбуке», доступ к которой осуществляется по подписке, – это платный вариант. Раз в месяц я делаю live-сессии. Там я отвечаю на вопросы плюс каждый день делаю посты в группе, публикую видео.

– Как у тебя на все хватает времени? Когда ты фехтуешь?

– Я фехтую постоянно: с утра до вечера. (Смеется).

– Расскажи о том, что у вас за система образования, связанная со спортом, которая не позволяет зара-

батывать студентам. Знаю, тебе пришлось оставить учебу из-за этого.

– Образование в Америке очень дорогое. В моей семье нет такого достатка, чтобы платить за него. Но, если ты хочешь учиться, можешь получить грант как атлет, однако не имеешь права зарабатывать деньги на этом. На мой взгляд, это очень тупое правило. У нас много ребят – отличных спортсменов. Они играют в футбол, баскетбол, но, заканчивая колледж, выходят с пустыми карманами. Потому что на протяжении четырех лет они не имели права на этом зарабатывать. Да, они получили образование. Они умны. И это очень важно. Но при этом они выступали, давали интервью и не получили за это ни гроша. А если они получают травму, это конец. Вся их карьера закончена. Я против такой системы. Она называется NCAA.

– Ты бы хотел вернуться к учебе в будущем?

– Нет, я бы хотел открыть свой собственный клуб. Мне очень нравится фехтование. Оно приносит мне большую радость. И это то, чем я хочу заниматься в будущем.

– Хочешь быть владельцем или, возможно, еще и тренером?

– Пока не знаю. На данный момент я не хочу тренировать. Но, возможно, в будущем что-то изменится.

– А как ты стал моделью?

– Случайно, честно говоря. После Олимпийских игр в Лондоне кто-то попросил меня прийти, чтобы на меня посмотрели. После этого я получил несколько хороших предложений. Но для меня модельный бизнес – лишь возможность платить за фехтование. Когда я был моложе, это было весело. А сейчас я целиком и полностью сфокусирован на фехтовании, и быть моделью для меня больше неактуально. Моя цель – стать олимпийским чемпионом. Я ведь еще и диджеем успел побыть, но это все несерьезно.

– Ты также известен своей активной гражданской позицией. Участвуешь в акциях, пишешь посты, в том числе против ряда действий вашего президента Дональда Трампа. Чем он тебе не нравится?

– Да, я не голосовал за него. И не являюсь его фанатом. Наши взгляды на жизнь не совпадают. Мне не нравится то, как он относится к женщинам и как обращается с представителями других рас. Он отталкивает очень многих людей. А для меня Америка всегда была страной, которая позволяет людям быть самими собой. Гостеприимной страной. Потому что мы все не американцы, мы все откуда-то приехали в свое время. Из разных частей света. А та акция была на этапе Кубка мира в Каире. Мы одер-

жали победу и решили поддержать американского футболиста Колина Каперника. Я преклонил колено при исполнении гимна (в августе этого года на Панамериканских играх Имбоден повторил свой тихий протест. – МВ). Колин является борцом за права афроамериканцев. Как вы знаете, у нас есть некоторые проблемы с этим в США. И для меня это очень важно, потому что моя девушка афроамериканка из Карибского региона. Если у нас будут дети, вполне возможно, что у них будет темный цвет кожи. И я хотел бы, чтобы у них были такие же права, как и у других детей. Мне бы не хотелось, чтобы мой президент обращался как-то иначе с моими детьми или моей девушкой. Так что все это касается меня напрямую. На самом деле я не занимаюсь политикой. Я терпеть не могу политику. Но если что-то меня очень трогает, то я обязательно выскажусь по этому поводу. На мой взгляд, очень важно, чтобы спортсмены и другие публичные люди, которые имеют платформу и могут быть услышаны, высказывали свое мнение по важным вопросам. Например, мне очень нравятся Джеймс Леброн, Мохаммед Али и другие спортсмены, которые в свое время творили историю Америки, а сейчас высказываются на волнующие их темы. Имея сильный голос, они могут направить других людей в правильное русло.

– Ты больше индивидуальный или командный игрок?

– Думаю, и то и другое. В фехтовании ты должен хорошо делать и то и другое. В Америке мы в основном тренируемся индивидуально. Я выиграл достаточно

личных соревнований, но при этом хорошо выступаю и в командных. Мне нравится фехтовать в команде. Это особое чувство. Когда мы были моложе, то постоянно соревновались друг с другом. Выясняли, кто из нас лучше. А теперь мы все лучшие. Я делю номер с Александром Массиаласом, и у нас очень теплые дружеские отношения, хотя мы очень разные. Он забавный парень.

Я очень люблю свою команду. Когда ты выигрываешь сам, то очень горд. Когда выигрываешь в команде, это счастье, которое делится на всех. Это такое чувство, когда хочется танцевать с ребятами, идти праздновать, устраивать вечеринки. А личная медаль – это чувство гордости от хорошо выполненной работы. Поэтому мы очень сильно хотим выиграть командную медаль как на чемпионате мира, так и на Олимпийских играх. Хотя будет непросто: сейчас в рапире очень сильная конкуренция. Италия, Франция, Россия, молодые японцы подтягиваются.

– Если бы тебе пришлось выбирать на следующих Олимпийских играх, какую бы медаль ты предпочел – командную или личную?

– Отказываюсь выбирать. Я хочу и командную, и личную медаль.

– Ты останешься на следующее четырехлетие после Олимпиады в Токио?

– Да, хочу продолжить фехтовать. Я еще очень молод, мне всего 26 лет. И мне есть еще что показать.

ИЗАОРА ТИБУ ISAORA THIBUS

- Франция, 28 лет.
- Рапиристка, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2012 года.
- Участница двух Олимпиад: 2012, 2016.
- Серебряный (2019) и бронзовый (2017) призер ЧМ в личном первенстве.
- Трехкратный бронзовый призер ЧЕ (2013, 2017, 2019) в личном первенстве.
- Многократный призер ЧМ и ЧЕ в команде.
- Две победы на этапах Кубка мира.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 5-е место (2016, 2017).

ИЗАОРА ТИБУ БАЛЕРИНА С РАПИРОЙ

Мила Волкова

Изаора Тибу – трехкратный бронзовый призер чемпионата Европы и серебряный – чемпионата мира. Ее спортивный путь можно описать как одно большое путешествие.

В нашей беседе она рассказала о том, как переехала из Гваделупы во Францию, а затем сменила Париж на Лос-Анджелес.

– Изаора, ты родилась в Гваделупе, а потом переехала во Францию. Это все ради занятий фехтованием или были какие-то другие причины?

– Из-за фехтования. Я действительно родилась в Гваделупе – это небольшой остров в Карибском бассейне, который является частью Франции. Начала фехтовать в 7 лет, и мне очень понравился этот вид спорта. Но для того, чтобы войти в состав французской сборной и выступить на международных турнирах, мне нужно было переехать в Париж. Там находится центр спортивной подготовки фехтовальщиков INSEP. Это также было необходимо для того, чтобы улучшать фехтовальные навыки и расти как спортсменке. В Гваделупе у меня не было сильных соперников. Поэтому я решила оставить семью, дом и отправиться во Францию, следуя за своей мечтой.

– Мне кажется, что в Гваделупе фехтуют абсолютно все: Янник Борель, Лора Флессель, ты...

– У меня нет объяснения этому феномену. (Смеется.) Но у нас действительно очень развито фехтование. Есть много хороших спортсменов, плюс хорошая связь с французской командой. Нам нравится этот вид спорта, можно сказать, борьба у нас

в крови. Мы много пережили в своей истории, включая рабство. К тому же у нас хорошие атлетические данные и генетика. Это здорово, и я рада, что могу представлять свою страну и свой остров на спортивной арене.

– В твоём профиле на сайте ФИЕ написано, что Лора Флессель является твоим кумиром. Почему она?

– На самом деле это не совсем так, потому что она занималась шпагой, а у меня рапира. Конечно, я восхищаюсь ее человеческими качествами, профессиональными достижениями. Она олимпийская чемпионка и много сделала как министр спорта и как тренер. Но она не мой кумир, потому что, когда я фехтую, не хочу быть как она. Я хочу быть самой собой.

– А как происходит отбор талантов: французские тренеры приезжают к вам или вы ездите на соревнования во Францию?

– Второй вариант. Каждый год во Франции проводится национальный чемпионат, и, выступив хорошо, ты можешь обратить на себя внимание. Я с 12 лет принимала в нем участие и выигрывала, поэтому уже была на примете у тренеров. Они многократно меня спрашивали, собираюсь ли я продолжить за-

ниматься фехтованием профессионально. В 15 лет я еще отказывалась, в 17 согласилась и переехала.

– Ты уехала одна или тебя сопровождал кто-то из родственников?

– Я уехала одна, но у меня перед глазами были примеры других моих соотечественников, которые уже проделали аналогичный путь. Тот же Янник Борель. Поэтому мне было немного легче в этом плане. Если у них получилось, значит, я тоже смогу. Эта мысль вдохновляла меня.

– Вернемся немного назад. Ты ведь не сразу обратила внимание на фехтование, а сначала была принцессой – балериной. Чем был обусловлен такой поворот?

– Мама привела на фехтование нас с братом. И сначала он больше меня им интересовался, но как только я распробовала вкус соревнований, то перестала быть балериной. (Смеется.) Однако я по-прежнему люблю танцевать, а в фехтовании есть та же элегантность, что и в танцах. Здесь также необходимо чувство ритма. Мне понравилась эстетика фехтования. Это ведь очень красивый вид спорта. Например, мне очень нравится, как фехтует ваша Инна Дериглазова. У нее чистые линии и красивые уколы.

– Получается, что по природе ты больше боец, нежели балерина?

– Как показала жизнь, да, но вы также можете увидеть меня танцующей – уже после соревнований, где-нибудь в ночном клубе. При этом танцевальная подготовка, например растяжка, помогает сделать хороший выпад. И вообще весь мой танцевальный бэкграунд дает множество преимуществ, таких как ощущение собственного тела, пространства, дистанции. Всегда знала, что я гибкая, взрывная, и все это помогает мне профессионально расти в спорте. И, надеюсь, делает мое фехтование более элегантным.

– Во Франции сильные тренеры и хороший центр подготовки, однако ты там тоже не осталась. Чем был обусловлен еще один переезд – на этот раз в США?

– Дело в том, что после Олимпийских игр в Рио я встретила Рэйса Имбодена. А он американский фехтовальщик, как вы знаете. На протяжении года у нас были своего рода дистанционные отношения, но потом он предложил мне переехать. Я тщательно обдумала это предложение, потому что основная цель у меня – продолжать фехтовать и расти профессионально. Одним словом, оценила перспективы. Восемь лет я занималась в одном-единственном фехтовальном центре – INSEP – и была готова открыть для себя что-то новое. Я поняла, что готова к этому путешествию, готова сменить тренера и стать бо-

лее открытой в своем виде спорта. Поэтому переехала в Лос-Анджелес, чтобы жить и тренироваться с Рэйсом и узнавать новое в фехтовании.

– А как это восприняли твои французские тренеры и федерация?

– На мой взгляд, система тренировок в нашем центре была хорошей, и я уехала не потому, что меня что-то не устраивало. Благодаря им я стала спортсменкой высокого уровня. Мой переезд был обусловлен личными причинами и обстоятельствами, поэтому тренеры отнеслись с пониманием. Конечно, федерации было непросто. Я оказалась первой, кто на такое пошел. Это сложный путь, но все поняли, что я хочу расти, развиваться и жить со своим бойфрендом. Кроме того, в Америке я надеялась найти новые ресурсы для своего фехтования. И поскольку это был личный выбор, а не протест против системы, мне дали возможность попробовать. Но, конечно, мне пришлось доказывать, что это было не зря и схема работает. После переезда не все складывалось гладко. Однако я была к такому готова, и теперь все складывается достаточно хорошо.

– Расскажи о своем опыте работы с Голубицким. Рэйс говорил, что в течение многих лет тот был его кумиром.

– Это правда. Было очень интересно познакомиться с украинским фехтованием, которое сильно отличается от французской системы. Но мне оно не подошло. Сергей – прекрасный фехтовальщик, чемпион, и все же мне было сложно с ним работать. Я пыталась, но это оказался не лучший выбор для меня. Поэтому сменила наставника. В настоящий момент работаю со Стефано Чериони. Мне очень нравится. Он волшебный тренер.

– Голубицкий оказался слишком жестким наставником?

– Нет, дело не в жесткости. К жестким тренировкам я была готова. Когда я уехала из нашего фехтовального центра, как раз хотела выйти из зоны комфорта. Мне не нужна была легкость. Дело в человеческом несопадении. Когда ты выбираешь спорт в качестве профессии, в качестве своей страсти, то хочешь работать с теми людьми, с которыми тебе хорошо. А я не чувствовала себя счастливой, тренируясь под его руководством. К тому же в Лос-Анджелесе была проблема со спарринг-партнерами. Мы работали в клубе, где не хватало сильных спортсменов. И по сравнению с фехтовальным центром Франции, где я всегда работала с лучшими и где тренировки были очень интенсивными, это был шаг назад.

– Можно было отрабатывать приемы на Рэйсе. Или нет?

– (Смеется.) У нас было много стычек по этому поводу вначале. И перед соревнованиями мы старались

вместе много не фехтовать. Рэйс – отличный спортсмен, фехтовать с ним одно удовольствие, но часто мы начинали злиться друг на друга. Мне постоянно хотелось побеждать его, хотя я и понимала, что это невозможно. Однажды он уступил, дал мне победить. И я жутко разозлилась. Кричала, чтобы он не смел больше поддаваться, что этим он показывает, что не уважает меня. В следующий раз Рэйс задал мне хорошую трепку, и я снова вышла из себя. «Ты слишком жестко меня бьешь!» – возмущалась я. В итоге он не знал, что делать. «Ты уж определись, – попросил, – побеждать мне тебя или нет». Я ответила, что побеждать, но не так жестко. А что делать? Мы, женщины, такие.

– Сейчас тебя все устраивает?

– Да. Мне было интересно узнать, как работают итальянцы. Потому что большую часть работы они проводят в клубах и только на неделю собираются в тренировочном лагере всей командой. И это тоже отличная система. В клубе ты можешь постоянно практиковаться, улучшать свои навыки, но при этом не испытываешь сильного давления. Тебе не обязательно быть лучшим постоянно. А раз в месяц у тебя есть возможность проверить себя с сильнейшими фехтовальщиками.

– Сколько человек работает в вашей группе с Чериони?

– Помимо нас с Рэйсом со Стефано работает еще Элиза Ди Франческа. Мы тренируемся в отличном клубе в Ези. В этом сезоне я также спарринговалась с Аличе Вольпи. Она – замечательная фехтовальщица. И это был отличный опыт для меня. Кроме того, мы получили возможность поработать в итальянском тренировочном лагере. А во время пребывания в США у меня был еще спарринг с Ли Кифер.

– Твои результаты стали расти. Три «бронзы» на чемпионатах Европы, «серебро» чемпионата мира в прошлом году. Почему не получилось в Будапеште?

– Это спорт. Помимо меня много людей хотели выиграть на чемпионате мира. Мне приходится сражаться против Инны Дериглазовой, Аличе Вольпи, Элизы Ди Франчески, Арианны Эрриго. Они великопепны и очень сильно меня вдохновляют. Я тоже хочу быть в числе сильнейших. Мне очень понравился полуфинальный бой между Инной и Элизой. Они настоящие воительницы, которые никогда не сдаются. Я хочу быть такой же сильной, чтобы победить их. И с моей стороны эти слова – дань уважения их силе и мастерству.

– Кстати, обратила внимание, что на дорожку в Будапеште тебя выводил французский тренер, а не Стефано Чериони. Почему?

– Это решение моей федерации. Я могу работать с Чериони как с тренером, но секундировать на дорожке должны французские тренеры. Они стараются и делают все, чтобы мне помочь. И они хорошо общаются со Стефано. Обсуждают, как сделать мое выступление более успешным. Кстати, в этом плане у нас возникали проблемы с Сергеем Голубицким. У него не было контакта с нашими тренерами, они не могли общаться. И пусть мне не удалось добиться успеха на этом чемпионате, я горжусь своей командой.

– Поговорим о личном. Вы с Рэйсом были знакомы очень давно, но начали встречаться только после Рио. Почему?

– Хотите знать, что происходило за кулисами? Конечно, мы много раз видели друг друга, но при этом никогда не разговаривали, не общались, хотя я и считала Рэйса очень привлекательным. К тому же у него была девушка, у меня парень, поэтому ни о чем серьезном мы не задумывались. Все случилось в последний вечер в Рио. Мы много говорили, танцевали. И нам было хорошо вместе. Возникло чувство, что если что-то произойдет, то это будет классно.

– Можешь сказать, что он твой человек?

– Да, он очень милый, заботливый. Он всегда меня поддерживает.

– А когда ты больше нервничаешь: когда сама выступаешь или когда наблюдаешь за тем, как Рэйс фехтует?

– Конечно, когда наблюдаю за ним.

– Значит, вариант тренерской работы не для тебя?

– Нет. Хотя мне нравится учить детей. Раньше не получалось. Мне нравится делиться своим опытом, но тренировать – это слишком большая ответственность. Буду чрезмерно нервничать, слишком много кричать, для этого я слишком эмоциональная. Я не могу оставаться спокойной.

– В будущем Рэйс хочет открыть собственный клуб. Кем ты в нем себя видишь?

– Мне нравится его проект, нравится то, как он себя в нем ощущает. Он хочет продолжить работу со Стефано и Маурицио. И я буду его всячески поддерживать, но у меня есть и свои планы, не связанные с фехтованием.

– В какой-то конкретной области?

– Не хочу закрывать ни одной двери. Меня интересует огромное количество вещей. Digital-медиа и social-медиа сейчас переживают период роста. Мне также нравится мода. Возможно, я смогу сделать что-то и в фехтовании. Заниматься организацией

турниров, продвижением этого спорта. Мне также хотелось бы сделать какие-то проекты для женщин. В общем, идей огромное количество, и впереди вся жизнь, чтобы их воплотить.

– У тебя есть диплом экономиста. Почему ты выбрала это направление?

– Дело в том, что во Франции спорт – это не профессия. Ты должен учиться и одновременно можешь заниматься спортом. То есть много денег фехтованием во Франции не заработаешь. Поэтому, когда я была молодой, в мечтах видела себя в бизнес-школе. Представляла себя на должности директора, хотела иметь собственную компанию. Так что у меня всегда было две мечты: фехтование и бизнес. На сегодняшний момент одна частично исполнилась.

– Ты до сих пор хочешь иметь свою компанию?

– Возможно.

– Рэйс также привлек тебя к работе в модельном бизнесе. Тебе нравится быть моделью?

– Если честно, вначале ненавидела это. Мне не нравилось фотографироваться, я была очень стеснительным человеком. А потом научилась получать от этого удовольствие и веселиться. Это отличный опыт. Конечно, Рэйс в гораздо большей степени модель, чем я. Но мне нравится это делать в контексте фехтования. Хочу сделать фехтование более женственным. В большинстве случаев мы не видим женщину за маской и костюмом. А я хочу показать, что мы можем быть красивыми и сексуальными. Поэтому иногда тоже играю в эту игру. (Смеется.)

– Это как-то пересекается с тем, что ты делаешь на дорожке?

– Когда я выхожу на дорожку и надеваю маску, то могу быть совершенно другим человеком. Каким захочу. На дорожке я чувствую себя совершенно свободной.

– Ты говорила, что тебе интересно продвижение фехтования. Поделись парой идей, как сделать его более популярным.

– Думаю, что что Международная федерация фехтования сейчас делает отличную работу на «Евро-спорте» и вообще на телевидении. Кстати, отдельно хотелось бы отметить турнир в Будапеште. Все здорово было организовано, и болельщики приходили, чтобы поддерживать спортсменов. Притом что фехтование по-прежнему остается закрытым клубом. То есть это спорт для фехтовальщиков.

На мой взгляд, нам не нужно менять правила: это прекрасный спорт. Но стоит подумать о том, как привлечь людей, которые приходят на соревнования.

Воспользоваться опытом проведения теннисных турниров. Там для болельщиков достаточно развлечений снаружи. Они приходят не только посмотреть матч, но и хорошо отдохнуть. Нужно поставить себя на место зрителя, подумать, что ему было бы интересно, за что он мог бы заплатить деньги.

Также надо подумать о том, что может заставить смотреть этот вид спорта по телевизору. Не согласна с тем, что фехтование мало показывают потому, что люди его мало смотрят, так как не понимают правила. Я, например, не понимаю правила многих видов спорта, но они интересны мне. Когда смотрю дзюдо, борьбу, то тоже не всегда понимаю, что происходит. Даже в боксе не знаешь, кто победит, пока судья не вынесет свое решение. Но умение разбираться в правилах – не главная причина, из-за чего люди смотрят спорт.

Ключевой фактор – это спортсмены. Нам не хватает удивительных историй чемпионов. Люди должны знать своих героев. Уверена, болельщикам было бы интересно узнать историю Инны Дериглазовой или историю возвращения Элизы Ди Франчески. В Будапеште мне понравились интерактивные ролики со спортсменами. Болельщики получили возможность увидеть лица атлетов перед матчем. И это важно, потому что большую часть соревнований наши лица скрыты за масками. Даже если человек не знает спортсмена, он может выбрать его чисто визуально, а не только потому, что он член семьи. «О! Вот этот выглядит мило, буду за него болеть!» Такие небольшие видео, которые сделали организаторы, очень помогают в продвижении фехтования.

– Ты гораздо более оптимистично смотришь на вещи, нежели американский сабельный тренер Зоран Тулун. Он сказал, что фехтование застряло в XIX веке и может исчезнуть, как динозавры.

– Честно говоря, я тоже этого опасаясь. Но это будет просто позор – потерять такой красивый вид спорта. Конечно, нам нужно подумать, как вернуть интерес детей к фехтованию. Потому что я смотрю спортивные новости и вижу в программе будущих Олимпийских игр брейк-данс, скейтбординг. Это все замечательно, но не хочется терять то, что мы уже имеем.

Конечно, мы сильно привержены своим традициям. Нужно сделать фехтование более привлекательным – дать людям возможность с ним соприкоснуться. Мне кажется, если ты сам попробовал фехтовать, то станешь фанатом этого спорта. Многим ведь нравится фехтовать на световых мечах. Плюс наша экипировка не меняется: мы люди в белом – и точка. Зрители не понимают почему. Возможно, стоит сделать какой-то сумасшедший арт, чтобы привлечь людей в ряды фанатов. 🎨

МАКС ХАРТУНГ MAX HARTUNG

- Германия, 30 лет.
- Саблист, фехтует правой рукой.
- Участник двух Олимпиад: 2012, 2016.
- За национальную сборную выступает с 2010 года.
- Чемпион мира – 2014 в команде.
- Четырехкратный чемпион Европы: 2017, 2018 – в личном первенстве; 2015, 2019 – в команде.
- Три победы на этапах Кубка мира.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 3-е место (2019).

МАКС ХАРТУНГ БОРЕЦ ЗА ФЕХТОВАНИЕ

Мила Волкова

Четырехкратный чемпион Европы и чемпион мира Макс Хартунг не только яркий спортсмен, но еще и активный борец за права спортсменов. В Германии ему удалось совершить мини-революцию в спорте, и его борьба еще не окончена.

– Макс, известно, что ты хотел закончить спортивную карьеру после Олимпиады в Рио. По какой причине?

– Потому что у нас было плохо с финансированием. А мне нужно было платить за квартиру, на что-то жить. Для этого нужно зарабатывать какие-то деньги, что не так просто в Германии. Я много говорил о проблеме финансирования спортсменов, и в результате нам удалось получить финансовую поддержку. Это касается не только фехтования, а всего спорта в Германии. После этого я решил продолжить фехтовать.

– То есть это ты протолкнул решение по поднятию ставок спортсменам?

– Да, я ходил в парламент Германии, выступал там и в министерстве спорта, и в этом году нам выделили 7 миллионов евро на спорт. Все потому, что мы с коллегами и представителями других видов спорта просили правительство изменить существующую систему. При этом в прошлом году финансирование составляло 2,5 миллиона евро, а еще годом ранее – ноль. Два года назад финансирование была предусмотрено для армии, полиции, но не для спортсменов. Так что нам удалось добиться существенных изменений: от 0 до 7 миллионов. (Улыбается.)

– Помимо этого ты также встречался с Томасом Бахом и представителями Международного олимпийского комитета и предлагал разделить прибыль от Олимпийских игр. Просил 25 % для спортсменов. Это так?

– На мой взгляд, правила Олимпийских игр в отношении распределения прибылей были написаны тогда, когда в этих соревнованиях не было никаких денег. В то время турниры обслуживали волонтеры, которые не получали денег. И выступавшие там спортсмены также не получали ничего. Сейчас Олимпийские игры зарабатывают достаточно: деньги идут от рекламы, телетрансляций, радиовещания и так далее. И спортсмены сейчас стали настоящими профессионалами. Поэтому мы должны зарабатывать на этом деньги. Я считаю, что будет честно, если мы будем участвовать в распределении прибыли. Именно с таким предложением мы отправились в Лозанну, в штаб-квартиру МОК.

– Что вам там ответили?

– Они ответили, что национальные олимпийские комитеты и федерации несут значительные расходы. Так что эту ситуацию очень сложно изменить. Мы не нашли тогда никакого решения. Однако спортивное бюро в Германии пересмотрело 40-й пункт правил и изменило его. Теперь правила, касающиеся доходов от рекламы, для немецких спортсменов отличаются от всех остальных стран мира.

– А в настоящий момент вся прибыль от Олимпийских игр распределяется между НОК и федерациями?

– Да, им отдают 90 % прибыли. А спортсмены не получают ничего, за исключением покрытия расходов на размещение.

– На что они расходуют эти средства, если не на спортсменов?

– На то, что они считают наиболее важным. Но то, что хорошо для них, не всегда оказывается хорошо для нас. Конечно, они оплачивают наши поездки на турниры, но при этом у них есть свой штат сотрудников, которым также нужно платить. Есть здания, которые надо содержать. И у спортсменов нет никакой возможности проверить, насколько эффективно расходуются средства.

– А какие-то преференции спортсмены в Германии получают – хотя бы в сфере образования, как, например, в США?

– Наше образование очень сильно отличается от той системы, что в США. В некоторых институтах есть специальные программы для спортсменов, в некоторых – нет. Тут каждый спортсмен должен искать и выбирать сам. В моем регионе элитные спортсмены имеют право поступить в институт без прохождения тестов, которые в обязательном порядке должны сдавать другие студенты. Так что, даже если ты не очень хорошо учился в школе, все равно можешь поступить в институт, будучи хорошим спортсменом.

– У тебя уже есть хороший диплом. И твои бывшие однокурсники сейчас зарабатывают гораздо больше, чем ты. Что побуждает тебя продолжать фехтовать?

– Мне нравится фехтовать. Я получаю от этого удовольствие. Конечно, в будущем я тоже пойду работать. И это правда, что мои однокурсники сейчас гораздо сильнее продвинулись в плане построения карьеры. Я также знаю, что не заработаю много денег фехтованием. Знаю, что не стану миллионером. Но сейчас мне достаточно было бы того, чтобы я мог платить за квартиру и жить спокойно. Потом найду себе работу. Уверен.

– Также в сфере спорта или в какой-то другой? Ты ведь изучал экономику, политику и социологию.

– Пока не знаю. Подумаю об этом позже – в следующей жизни, после Токио.

– Если взять во внимание возвращение на дорожку Альдо Монтано, наверное, и Токио для тебя не предел...

– Я думаю, что он особенный. Надо будет спросить, в чем его секрет, и попробовать применить в своей практике. (Улыбается.)

– У тебя есть своя спортивная философия?

– Я думаю, очень важно понять, что ты собой представляешь. Да, сейчас я фехтовальщик и все свое время провожу в тренировочном зале. Но не хочу ограничиваться только этим. Потому что если я вдруг получу травму или закончу фехтовать, то все равно должен оставаться интересной личностью. У меня есть и другая жизнь, другие интересы. К счастью, я имею возможность учиться, а также помогать другим спортсменам в качестве их представителя. Поэтому, когда я ухожу из зала, мне есть еще о чем подумать кроме фехтования. Оно не занимает мой мозг 24 часа в сутки и 7 дней в неделю. Мне кажется, это хорошо.

– Когда ты начинал заниматься фехтованием, приходилось ли тебе выбирать между ним и какими-то другими видами спорта?

– Нет, тренеры нашли меня еще в начальной школе. Мой тренер Вильмош Сабо пришел туда в поисках ребят, с которыми он мог бы работать и которые не полные идиоты. В восемь лет мне дали в руки саблю и сказали, что я теперь фехтовальщик. Я ответил: «О'кей, как скажете».

– Так просто? Тебе достаточно что-то сказать, и ты это сделаешь?

– Во всяком случае, в тот момент я не задавал никаких вопросов. Сказали ходить на тренировки пять раз в неделю, значит, пять раз. Для меня это было нормально, как ходить в школу. Думаю, в тот момент со мной было очень легко.

– И у тебя никогда не возникало никаких сомнений?

– Сомнения начались в 15–16 лет, когда пришло время вечеринок. (Смеется.) Но я все еще продолжаю фехтовать.

– Что для тебя важнее в фехтовании: удовольствие или результат?

– Думаю, это связано. Если ты являешься конкурентоспособным, то фехтование тебе приносит гораздо больше удовольствия. Я хочу хорошо время провести в фехтовании. И, конечно, хочу выигрывать медали. Но, если мне не удастся их выиграть, это не станет концом света.

– Ты дважды выигрывал чемпионат Европы. Тебя можно назвать сабельным королем Старого Света?

– Надеюсь. (Смеется.) По крайней мере, на ближайшие пару недель до чемпионата Европы, который состоится в Дюссельдорфе, я король. Конечно, мне бы хотелось подтвердить свое звание и выиграть в третий раз. Но, к несчастью для меня, другие спорт-

смены строят аналогичные планы и также хотят победить. Так что посмотрим, повезет мне или нет. (На чемпионате Европы – 2019 победил Вениамин Решетников, а Макс Хартунг стал бронзовым призером, однако еще один чемпионский титул добавил, но уже в команде. – МВ)

– Но победную формулу ты для себя выработал?

– Очень хотел бы иметь такую. (Смеется.) Я просто стараюсь сосредоточиваться на каждой встрече и так постепенно продвигаться по турниру, разбираясь с каждым соперником по очереди. Если думать о том, чтобы выиграть «золото», то начнешь турнир задом наперед. И ничего у тебя не получится. Поэтому я с уважением отношусь к каждому сопернику и стараюсь не забегать вперед.

– Расскажи о своем лучшем и худшем турнирах.

– И тот и другой – это командные соревнования на чемпионатах мира. Лучший турнир был в Казани в 2014 году, когда мы стали чемпионами мира. В команде были Николас Лимбах, Матиас Сабо, Бенедикт Вагнер и я. До того мы ни разу не выигрывали чемпионат мира – и тут золотая медаль. Это было невероятно. Мы были очень счастливы, и это самый лучший момент в моей жизни. И самая лучшая вечеринка тоже была там. Это сбывшаяся мечта. Было безумно классно. А худший турнир мы провели в 2017 году, в Лейпциге. Фехтовали на домашнем турнире, но проиграли уже во втором матче, в четвертьфинале, и стали лишь девятыми. Я проиграл свой бой за команду. Чувствовал себя отвратительно из-за этого. Мне тогда потребовалось какое-то время для того, чтобы прийти в себя.

– Ты винишь в этом исключительно себя?

– Конечно, проиграла вся команда, но в этом была большая доля и моей вины. Когда ты проигрываешь личный турнир, то это только твоя проблема. Ты можешь винить только себя и стараться в следующий раз выступить лучше. А в команде все переживается совершенно иначе. Самые высокие, сильные эмоции – как позитивные, так и негативные – всегда в команде.

– Победа в личном турнире накануне командного помогает тебе или опустошает?

– И то и другое. С одной стороны, ты чувствуешь себя более уверенным. С другой стороны, если ты выиграл турнир накануне, на следующий день физически бывает очень тяжело. Иногда я просто не успеваю восстановиться. Хоть и стараюсь хорошо питаться, хорошо спать, сходить на массаж, но все равно чувствую себя уставшим на следующий день.

– А если проигрываешь?

– Тогда у меня гораздо больше энергии на следующий день. Но я стараюсь хорошо выступать и в личных, и в командных соревнованиях.

– А каким бойцом ты себя считаешь: командным или ты больше индивидуалист по природе?

– Думаю, что я и тот и другой. Я всегда стараюсь заботиться о товарищах по команде. Мы одного возраста, вместе начинали, вместе выросли, у нас был один тренер. Все ребята как братья. Мне нравится путешествовать и фехтовать с ними. С другой стороны, фехтование – это приключение одного мужчины на дорожке. Твоя задача – выиграть свой бой. Но мне очень нравится, что фехтование включает как личные, так и командные соревнования.

– Тебя можно назвать лидером команды?

– Да, стараюсь им быть. Например, у нас соревнования длятся два дня, но благодаря рейтингу мне не нужно фехтовать в «пульках». Однако я все равно прихожу в зал, чтобы помочь молодым спортсменам. Стараюсь передать им часть своего опыта, своих знаний, в каком-то смысле выполняю роль тренера. У нас на соревнования выезжают еще два тренера, но спортсменов гораздо больше. Они фехтуют одновременно, так что тренеры не успевают всем помогать.

– А как у вас вообще обстоят дела с тренерами? Я знаю, что тебе в этом плане повезло – с тобой работает тренер национальной сборной. А что в других регионах?

– Немецким клубам часто очень трудно найти финансирование для того, чтобы пригласить хорошего специалиста. Это проблема не национальной сборной, она касается именно клубов в регионах. И поскольку те не имеют возможности пригласить классных профессионалов, то лишаются возможности вырастить своих тренеров. Так что в этом отношении ситуация у нас не самая благополучная.

– То увеличение финансирования, которого вам удалось добиться, поможет изменить эту ситуацию?

– Нет, оно касается исключительно спортсменов. Тренерам по-прежнему нужно доказывать государству, что они также нуждаются в деньгах и поддержке. Правительству следует задуматься над этим вопросом. Наши тренеры работают в основном в частных клубах и не так много зарабатывают. Частным клубам непросто находить спонсоров и финансирование, потому что компаниям сложно увидеть отдачу от рекламы. Это ведь не футбол.

– Похоже на многоуровневый квест.

– Так и есть, в спортивном сообществе проблемы

существуют на каждом уровне. И для них, к сожалению, нет простых решений. Но я пытаюсь делать хотя бы то, что от меня зависит. Борюсь за фехтование, потому что этот спорт очень много дал мне и очень многому меня научил. Я хочу, чтобы он продолжал развиваться в Германии. Но сейчас у нас объективно идет спад. Это печально. Мне приятно видеть новых спортсменов, которые приезжают с Кубы или из Индии. Мне хочется, чтобы и в моей стране интерес к фехтованию вернулся.

– Возможно, ты пока не задумываешься о будущем, но существует ли вероятность того, что ты сам станешь тренером?

– Я думаю, что это очень интересная и трудная работа, связанная со множеством вызовов. Но, если ничего не изменится в Федерации фехтования Германии и в нашем правительстве, не думаю, что это станет моей профессией.

– Когда я искала информацию о тебе в Интернете, обратила внимание, что большая часть твоих интервью так или иначе касается темы допинга. Это вопрос номер один в Германии?

– Я считаю, что это очень важный вопрос. Конечно, не номер один, но крайне важно, чтобы все спортсмены имели равные условия на соревнованиях. Потому что мы так много говорим об этом.

– Знаю, что ты был разочарован решением, которое было принято в отношении допуска российской сборной на Олимпийские игры в Рио после допингового скандала. Поясни свою позицию, пожалуйста. Что тебе не понравилось?

– Мне не понравилось то, как принималось это решение. Все решения были отданы на откуп международным федерациям. При этом у международных федераций не было ни опыта, ни инструментов для того, чтобы вынести справедливые решения в такой короткий период времени. Это же не только вопрос наличия запрещенных субстанций в крови, но еще и не менее важные вопросы тестирования. У нас есть система ADAMS, и ко мне в любой день могут прийти допинг-офицеры, чтобы произвести проверку. Причем прийти без предупреждения. У российских спортсменов даже не было возможности оправдаться и доказать, что они чистые. Потому что вся система не работала так, как должна. Допинг-скандал начался в 2014 году, когда были выявлены первые случаи. А принимать решение международные федерации заставили за две недели до начала Олимпийских игр. И я рад, что все фехтовальщики смогли поехать и выступить на Олимпиаде в Рио. Однако также знаю, что многие мои товарищи по сборной в других видах спорта были разочаро-

ваны, потому что считали, что у них не было справедливых условий для состязаний. Это касается тех видов, где допинг сильно помогает улучшить результат. Мне жаль очень многих пострадавших российских спортсменов. Это не их вина, проблема в системе контроля. Именно там были злоупотребления и манипуляции. В такой ситуации спортсмены очень мало что могли доказать.

– Ты был участником двух Олимпиад. Расскажи о каждой из них.

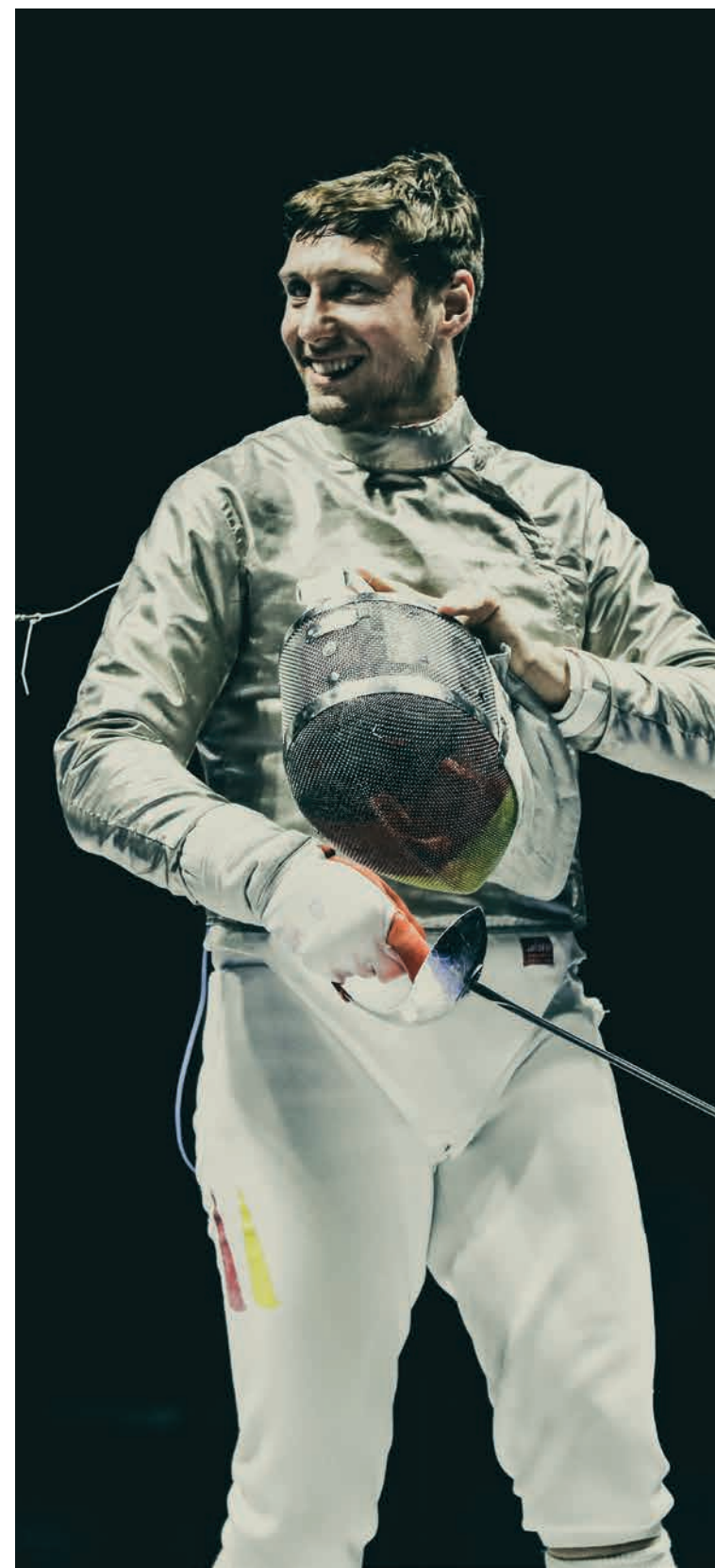
– Олимпиады получились очень разными. В Лондоне и город, и люди были в восторге от того, что к ним приехали спортсмены. Для них это был большой праздник на протяжении трех недель. И я получил огромное удовольствие от этого опыта. А когда я приехал в Рио, то обратил внимание, что у людей совершенно другие заботы. Их больше волновало, пойдут ли их дети в школу, переезд фавел, на месте которых возводились спортивные объекты. Одним словом, они были не слишком рады Олимпиаде. Страна переживала финансовый кризис, так что большинству было не до спорта. Но Олимпиада – это не простой турнир. Он должен приносить радость, сплавлять людей. Мне же показалось, что Олимпийские игры не доставляли радости бразильцам. С их точки зрения, было бы лучше потратить эти деньги на их базовые нужды, а не на спорт. Я их прекрасно понимаю, но это огорчает меня как спортсмена. Мы хотим выступать там, где люди достаточно счастливы и могут наслаждаться соревнованиями.

– Возможно, но в этих странах люди умудряются быть счастливыми, обходясь минимумом.

– Это так. Но проблема все равно была, и она заключалась в слишком высоких ценах на билеты. Возможно, люди бы получили удовольствие от Олимпийских игр и хорошо повеселились, если бы имели возможность купить билеты и посетить соревнования. Чтобы это не было привилегией иностранцев из более благополучных стран, которые могут себе это с легкостью позволить. Например, на фехтовальной арене не все места были заняты – только две трети. Я был бы гораздо более счастлив, если бы организаторы просто открыли двери и пустили всех желающих, чтобы заполнить остальные места.

– Полагаю, что это проблема не только Бразилии. Некоторые страны, например, отказываются от проведения Олимпийских игр, потому что считают их невыгодными с экономической точки зрения.

– Знаю, что в Давосе уже приняты некоторые изменения относительно проведения Олимпийских игр – 2020. Это касается контрактов с городом и во-

просов реализации билетов. Но все равно предстоит еще очень большая работа, чтобы убедить людей, что это не ударит по карману. Что Олимпийские игры могут способствовать развитию их региона.

– Тебя также волнует вопрос, как сделать фехтование более популярным и привлечь больше зрителей на соревнования. Какие шаги для этого нужно предпринять, на твой взгляд?

– Первое, что надо изменить, это правила, чтобы сделать фехтование более понятным. И не только для зрителей, а для самих спортсменов и тренеров тоже. (Улыбается.) Второй момент касается того, как соревнования презентуются и проводятся. Например, в таком виде спорта, как дартс, это шоу. Помимо соревнований есть развлекательная программа. Это в первую очередь спортивные соревнования, но также и хорошая возможность развлечься.

В фехтовании мы также можем улучшить то, как проводятся турниры, как зритель проводит на них свое время. Получает ли он от этого удовольствие? Зрители должны иметь возможность купить хорошую еду, возможно, пиво, занять хорошее место в зале. И неважно, понимает ли он фехтование или нет. Потому что сабля – очень динамичный вид спорта, она всегда дарит много эмоций. На некоторых турнирах у нас есть экраны, на которых зрители могут видеть замедленные повторы, эмоции фехтовальщиков. А это, на мой взгляд, самое важное – видеть, как спортсмены кричат, плачут, падают на колени. Я знаю, что существует много объективных причин, почему фехтование очень сложно изменить, но для спортсменов важно присутствие зрителей на трибунах, важно чувствовать поддержку. Нам необходимо присутствие тех, кто оценят, что мы делаем. Много уже меняется. Сейчас мы фехтуем не только для себя. На нас приходят посмотреть молодые спортсмены. Возможно, увидев какой-то бой, кто-то из них скажет: «Это было круто. Это то, чем я хочу заниматься!»

– Мне, например, понравилось, что на Олимпийских играх в Рио зрители могли попробовать сами пофехтовать перед соревнованиями. Взяв в руки оружие, начинаешь иначе относиться к этому виду спорта.

– Согласен. Всегда играет в плюс, когда ты сам связан с каким-то видом спорта. Почему футбол так популярен? Потому что мы все в детстве гоняли мяч и имеем представление о том, каково это. Если бы у людей была возможность попробовать фехтовать во время соревнований, или в школе, или в клубах, они бы гораздо лучше понимали наш вид спорта. Понимали бы, почему так сложно нанести укол или удар оппоненту и не получить при этом от него.

Также я думаю, что нужно гораздо больше рассказывать об атлетах. Причем не только о национальных героях, но абсолютно обо всех. Конечно, юные спортсмены будут больше чувствовать связь с теми, кто говорит с ними на одном языке, или с теми, с кем они тренируются в одном клубе. Но, например, когда я просматриваю свой «Инстаграм», вижу много подписчиков из разных стран мира: из США, Италии, Франции. Мир становится более открытым и объединенным. Возможно, кто-то в России тоже захочет прийти поболеть за того же Дэррила Хомера, потому что ему понравится его фехтование или сам он как человек.

– А какие изменения в правилах должны последовать, чтобы сделать фехтование более ясным?

– Сейчас мы обсуждаем флеш-атаку. Я не знаю, как в ФИЕ анализируют проблему и как выносят

решения, но некоторые из решений выглядят очень странными. При этом, если Международная федерация фехтования предложит какие-то изменения, которые будут хороши как для спортсменов, так и для зрителей, я, безусловно, их поддержу. Несмотря на то что это вызовет у нас у всех определенные сложности, потому что нам всем придется адаптироваться, учиться чему-то новому, менять свой фехтовальный стиль. Но последних изменений, касающихся времени, трехметровой дистанции, флеш-атаки, я не понимаю. К счастью, трехметровая дистанция была отвергнута. Надеюсь, они смогут придумать какие-то более интересные вещи, чтобы улучшить фехтование.

– Все фехтовальщики много путешествуют. Но тебе удалось побывать в Австралии, где турниры не проводят. Что тебя в ней привлекло?

– Я посещал там один клуб – сабельный центр Сиднея. Это частный клуб, не государственный. Они пытаются сделать фехтование бизнесом, мейнстримом. И там занимается достаточно много людей, пусть и не на высоком уровне. Но они получают удовольствие от фехтования. Они смотрят видео со всех этапов Кубка мира, помнят все матчи гораздо лучше меня, даже те, в которых я участвовал. Они были мне очень рады, и я почувствовал там очень гостеприимную атмосферу. Мне вообще нравится путешествовать по миру. Встречаться с людьми, которые без ума от фехтования. Они не могут посетить все турниры, потому что Европа слишком далека от них. Зато смотрят абсолютно все трансляции по YouTube, и мне было очень приятно научить их чему-то новому. И, конечно, было очень интересно познакомиться с самой Австралией, потому что это необычная страна.

Сейчас есть один профессиональный австралийский саблист. Для них это очень дорогое удовольствие, но они пытаются расти. Когда я был маленьким, мне было проще. Я мог сесть в автобус и поехать на соревнования в Будапешт. Пообщаться со многими классными фехтовальщиками и на следующий день вернуться домой. Для них все намного сложнее.

– В каких еще интересных местах тебе удалось побывать?

– Я ездил в Таиланд – это было весело до тех пор, пока меня не атаковал комар. После этого я заболел. У меня началась тропическая лихорадка. Так что в ближайшее время лучше останусь дома, где буду в гораздо большей безопасности. (Смеется.) О новых больших путешествиях подумаю уже после Токио. 📌

АРИАННА ЭРРИГО ARIANNA ERRIGO

- Италия, 31 год.
- Рапиристка, саблистка, фехтует левой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2009 года.
- Участница двух Олимпиад: 2012, 2016.
- Золотой (ком.) и серебряный (лич.) призер ОИ-2012.
- 8-кратная чемпионка мира: 2013, 2014 – в личном первенстве и команде; 2009, 2010, 2015, 2017 – в команде.
- 11-кратная чемпионка Европы: 2017 – в личном первенстве и команде; 2016 – в личном первенстве, 2009–2015, 2018 – в команде.
- 9 побед на этапах Кубка мира, 7 – на турнирах серии Гран-при.
- Пятикратная обладательница Кубка мира: 2009, 2012–2014, 2006.

АРИАННА ЭРРИГО МЕЖДУ РАПИРОЙ И САБЛЕЙ

Мила Волкова

Арианна Эрриго хорошо известна в фехтовальном мире как сильная рапиристка. Однако три года назад олимпийская чемпионка в команде и серебряный призер Игр в Лондоне в личном первенстве решила взять в руки саблю. Зачем ей это понадобилось, спортсменка рассказала на этапе Гран-при «Московская сабля».

– Арианна, ты прекрасная рапиристка, но разговариваем мы с тобой на турнире по сабле. Зачем тебе понадобился еще один вид оружия?

– Я действительно три года назад начала фехтовать кроме рапиры еще и на сабле. Для меня это вызов.

Когда я была молодой, то фехтовала и на шпаге. И не просто фехтовала, но и выиграла национальный чемпионат Италии среди кадетов. Итого три вида оружия. (Смеется.) Зачем? Просто мне нравится фехтование во всех его проявлениях: и шпага,

и рапира, и сабля. И я буду делать все возможное, чтобы отобраться на Олимпийские игры в Токио как в рапире, так и в сабле. Знаю, что это непросто, потому что техника в рапире отличается от сабельной.

– А как на это смотрит твоя федерация? Поддерживает тебя?

– Нет, руководство федерации со мной не согласно. Но для меня самое главное на этом этапе – результат. Если я буду лучше других девушек, то поеду на Олимпиаду в Токио в 2020 году в обоих видах. Если же не смогу показать нормального результата и другие девушки будут гораздо лучше меня, то про Олимпиаду придется забыть.

– Но, если у тебя уже были успехи в шпаге, почему вторым видом ты выбрала не ее, а саблю?

– Дело в том, что в рапире я фехтую очень быстро и агрессивно, часто атакую. Это гораздо ближе к сабле, чем к шпаге. К тому же четыре года назад на национальном чемпионате Италии клуб Sagabinieri, который я представляю, спросил: «Не могла бы ты выступить не только в рапире, но еще и в сабле?» Потому что одна девушка была травмирована. Я ответила: «О'кей, без проблем». Попробовала, и мне понравился этот вид оружия. Это было как раз перед Олимпийскими играми в Лондоне. И тогда я сказала себе, что если выиграю там «золото», то в Рио поеду фехтовать исключительно на сабле. Однако в Лондоне я завоевала лишь «серебро», проиграв один укол в финале Элизе Ди Франчиске. Поэтому в Рио поехала как рапиристка. Но перед Олимпиадой снова сказала себе: «Каким бы ни был результат, на следующую Олимпиаду постараюсь отобраться уже в двух видах оружия и выступить сразу в рапире и сабле, потому что никто раньше этого не пробовал».

– Боюсь спрашивать, что будет после Токио – все три вида?

– Нет. (Смеется.) Три вида – это уже перебор. Слишком много соревнований в календаре, и часто они проходят одновременно.

– Как бы ни был близок тебе скоростной характер сабли, там ведь совершенно другая техника. В голове не возникает путаницы?

– Нет, когда я беру в руки оружие, точно знаю, «где нахожусь». И у меня нет проблем с разными техниками. Это сложно, не отрицаю. Но фехтование само по себе непростое, какой вид оружия ни возьми. Хотя, конечно, в сабле существуют дополнительные трудности. В рапире, например, есть время для того, чтобы подумать, какое действие сделать,

и отреагировать нужным образом. В сабле его нет. Решение нужно принимать заранее, потому что сабля гораздо более скоростная. К тому же в сабле соревнования длятся пять часов, а в рапире целый день. И между поединками в рапире больше времени, чем в сабле. Еще одно отличие заключается в том, что, если ошибаешься в рапире, есть время на то, чтобы это осмыслить и попробовать что-то другое. В сабле нужно перестраиваться сразу.

– Сабля тебе чем-то помогает в рапире?

– Да. В сабле очень важно иметь хорошие ноги, потому что нужно быстро двигаться. Благодаря этому я имею возможность совершать гораздо больше движений. При этом в сабле я иногда колю, как в рапире, это вызывает удивление у некоторых соперников. Если говорить о минусах, то моя сабельная атака пока еще очень медленная.

– На Олимпийских играх в Афинах Альдо Монтано выиграл «золото», используя в том числе некоторые характерные рапирные приемы.

– Для меня фехтование тоже едино. Когда я фехтовала на шпаге, то выучила много движений, которые позже мнегодились в рапире. Да, это разные виды оружия. Но, на мой взгляд, любому спортсмену, будь то взрослый или ребенок, бывает полезно в клубе взять в руки другое оружие. Это делает тебя более открытым, учит мыслить нестандартно и под другим углом смотреть на знакомые вещи.

– У тебя разные тренеры в рапире и в сабле?

– Да. Мой тренер по рапире – это мой молодой человек, а теперь уже и муж Лука Симончелли. Тренер по сабле – Лучио Ланди. Но они оба работают в одном и том же фехтовальном клубе Frascati недалеко от моего дома. Конечно, сложно работать всем вместе, но возможно. В мире вообще нет ничего невозможного.

– В сабле ты фехтуешь только в личных турнирах или еще и в командных?

– На этапе Кубка мира в Бельгии меня первый раз поставили фехтовать в команде. Это был особый момент в моей жизни. Я чувствовала себя юной девочкой, у которой это первые соревнования в жизни. Но когда начался олимпийский отбор, федерация мне сказала: «Ты должна выбрать один вид. Ты не можешь фехтовать сразу в двух». Я спросила: «Почему? Ведь после трех лет мне наконец удалось попасть в команду, потому что я показываю результат, а не потому что я Арианна Эрриго». И вот теперь мне нужно искать какое-то решение, потому что я не могу просто так взять и выбросить эти три года. Да, я хочу фехтовать в двух видах оружия,

но федерация против. Очень надеюсь на то, что, если у меня будет хороший результат, мне все-таки позволят попробовать оба вида сначала на чемпионате мира, а потом дадут выступить на Олимпийских играх. Это было бы правильное решение. Посмотрим, что будет дальше. Сейчас я однозначно в рапирной команде, но не в сабельной. Хотя у меня второй результат среди саблисток. (На чемпионате мира в Будапеште Эрриго все же не была включена в женскую сборную Италии по сабле. – МВ)

– Обидно терять такой шанс...

– Да, очень обидно, потому что на протяжении трех лет мне приходилось часто уезжать из дома на турниры, из-за чего я практически не видела семью, и это правда было сложно. Причем вначале много проигрывала, и это было неприятно. Сейчас я демонстрирую хороший уровень и там и там. (В сезоне 2017/2018 Эрриго стала второй на этапе Гран-при по сабле в Канкуне. – МВ) Но федерация вынуждает меня делать выбор.

– Когда ты проигрывала, не закрадывались мысли о том, что, может, это было неверное решение?

– Нет-нет. Когда начинаешь что-то новое, это нормально, если поначалу проигрываешь. Важно сделать попытку. Получится – здорово. Нет – зато будет новый опыт. Это мой девиз не только в фехтовании, но и в жизни в целом. Очень важно пробовать что-то новое, пытаться превзойти себя.

– Предположу, что ты и с мужчинами пробовала фехтовать?

– Да, в своем клубе я много фехтую с мужчинами на рапире. Мне это очень нравится. Они гораздо быстрее, у них совершенно другая скорость реакции. Тебе нужно быть очень внимательной, потому что, как только ты совершаешь ошибку, мужчина сразу наносит укол. Так что для меня очень важно иметь такую практику, чтобы совершенствовать свое фехтование.

– Какие еще вызовы ты собираешься бросить себе?

– Пока только один. Я предпочитаю действовать постепенно, шаг за шагом. Сейчас для меня главная мечта – поехать на Олимпийские игры в Токио и выступить в двух видах оружия. После этого посмотрим. Очень важно иметь одну четкую цель. После того как ее реализовал, можно переходить к следующему пункту.

– Но ты же не просто хочешь отобраться на Олимпийские игры в двух видах, ты наверняка планируешь и медали увезти из Токио?

– Конечно, но сначала нужно квалифицироваться. Когда это произойдет, тогда начну задумываться о медалях. Я же говорю – шаг за шагом.

– Ты появилась в команде после Игр в Пекине и до сих пор остаешься голодной до соревнований. Сколько еще ты бы хотела заниматься фехтованием?

– Я очень люблю фехтование и не думаю, что после Токио закончу. Но после Олимпиады я бы хотела создать семью со своим молодым человеком. В июне у нас должна состояться свадьба – хотим успеть между чемпионатами Европы и мира. (Успели. – МВ) Думаю, что попытаемся завести ребенка. А после этого, скорее всего, вернусь на дорожку. Для меня фехтование – больше чем работа. Это моя жизнь и моя семья в каком-то смысле.

– Фехтование как работа и молодой человек – тренер. Не устаете от этого?

– Стараемся разделять работу и личную жизнь. Дома не говорим о фехтовании. Хватает работы в зале.

– А в самом отдаленном будущем ты хотела бы попробовать какое-то иное занятие или предпочтешь остаться верной фехтованию?

– Думаю, что останусь в фехтовании. Не вижу себя в качестве тренера, но, поскольку мой молодой человек работает тренером, будет логично, если я тоже буду выполнять какую-то работу в клубе. Этот вид спорта мне очень многое дал в жизни, и думаю, что придет время поделиться своим опытом с другими атлетами.

– Женская сборная Италии по рапире всегда придумывает небольшие танцы, которые исполняет перед матчами. Как насчет сабли?

– Когда меня первый раз поставили фехтовать в сабельную команду, я предложила своим подругам станцевать, и они согласились. Так что эта традиция теперь пришла и в саблю. Это весело. К тому же, на мой взгляд, отличный способ сплотиться перед поединком. Стать одной командой. Потому что фехтование – все-таки индивидуальный вид спорта. Это не волейбол и баскетбол. Когда соревнования заканчиваются, вы не остаетесь вместе, а разъезжаетесь в разные стороны. Так что танец отлично объединяет.

– У вас есть понятие капитана в команде?

– Нет, такого нет. Если только номинально. Часто капитаном становится самый старший по возрасту спортсмен. Сначала это было Валентина Веццали, потом я, потому что Элиза Ди Франческа сделала перерыв в карьере. Теперь снова Элиза: она старше. Да, она снова на дорожке, и это здорово – итальянская команда в ее присутствии становится только сильнее. 📌

ЭРВАНН ЛЕ ПЕШУ ERWANN LE PESHOUX

- Франция, 37 лет.
- Рапирист, фехтует левой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2003 года.
- Участник четырех Олимпиад: 2004, 2008, 2012, 2016.
- Серебряный призер ОИ-2016 в команде.
- 4-кратный чемпион мира в команде: 2005–2007, 2014.
- 5-кратный чемпион Европы в команде: 2003, 2014, 2015, 2017, 2019.
- Серебряный (2016) и бронзовый (2007, 2014) призер чемпионатов Европы в личном первенстве.
- 8 побед на этапах Кубка мира, 6 – на турнирах серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 2-е место (2005, 2008).

ЭРВАНН ЛЕ ПЕШУ БОЛЬШОЙ «МАЛЕНЬКИЙ» МУЖЧИНА

Мила Волкова

Эрванна ле Пешу можно назвать ветераном фехтования, ведь ему предстоят уже пятые Олимпийские игры в карьере. Но при этом он остается конкурентоспособным как в личных, так и в командных соревнованиях. Его супруга Инес Бубакри – тоже действующая спортсменка, рапиристка из Туниса. Так что они в прямом смысле говорят на одном языке. И на Олимпийских играх в Рио оба завоевали медали: она – «бронзу» в личных соревнованиях, он – «серебро» в командных.

– Эрванн, не секрет, что ты самый возрастной спортсмен в команде. Расскажи, что побуждает тебя продолжать фехтовать.

– Вообще-то я собирался завершить карьеру после Олимпиады в Рио, так как уже достаточно долго занимаюсь фехтованием. Но мой тренер и товарищи по команде спросили: «Ты хочешь поставить точку?» Ответил, что не хочу, но время пришло. Тогда они стали уговаривать меня, убеждали, что я важен для команды. Я подумал: «Ладно. Почему бы нет?» И решил попробовать остаться на один год.

Я показывал хорошие результаты, мне по-прежнему нравилось тренироваться и выступать на соревнованиях. Тогда решил пофехтовать еще год, потом еще, и в итоге остался всего год до Олимпийских игр. И теперь я точно не уйду до Токио. Честно говоря, это удивительно. Ведь когда я перешел на взрослый уровень, то думал, что отфехтую один олимпийский цикл, и достаточно. А сейчас меня ждут уже пятые по счету Олимпийские игры, я доволен своей карьерой и горжусь собой.

– То есть ты не планировал такую длительную карьеру?

– Нет. В 20 лет, когда я начал выступать по взрослому, думал, что это слишком тяжело, слишком сложно. Если мне удастся продержаться четыре года, то будет просто замечательно. Но в итоге прошло восемь лет, двенадцать, а сейчас уже почти шестнадцать минуло. Это удивительно, но я рад.

– При этом лучшие свои результаты ты показываешь в команде. Почему?

– Не знаю. Хотя у меня есть два предположения. В индивидуальных соревнованиях мы фехтуем до 15 уколов, а в командных только до пяти. Иногда больше, если соперник лидирует, но обычно до пяти. С учетом моих данных мне нужно очень много энергии, чтобы быстро двигаться. И на пять уколов меня хватает, а на 15 – иногда нет. Обычно я начинаю хорошо, а потом мой уровень снижается. И второй момент: когда фехтуешь в команде, ты знаешь, что не один на дорожке. Твой тренер и товарищи делятся с тобой энергией, и ты чувствуешь себя более уверенным. Поэтому мне проще фехтовать в команде. И потом – когда выигрываешь, то это как подарок для всех.

– Так было с самого начала или это качество появилось с возрастом?

– Не могу точно ответить. Мы пытаемся найти ответ на этот вопрос вместе с тренерами. Им тоже очень интересно, почему я в команде фехтую хорошо, а в личных соревнованиях немного хуже. Возможно, это не связано с физикой, а исключительно ментальная проблема. Но сейчас уже поздно что-то менять. Признаюсь, я не досчитался нескольких

личных медалей из-за одного укола. Трижды проигрывал в четвертьфинале 14:15. Это обидно. Возможно, вся проблема в моей голове.

– В команде ты порой творил чудеса, отыгрывая в финальном бою большое количество уколов...

– Да, у меня были такие матчи, когда приходилось отыгрывать до 10 уколов и команда побеждала. В такие минуты чувствуешь себя супергероем. (Улыбается.) Это удивительное чувство, когда вносишь весомый вклад в победу команды. В то же время случаются и тяжелые моменты: допустим, команда лидирует, ты выходишь – и в итоге вы проигрываете.

Заключительный бой может быть либо самым прекрасным моментом в твоей жизни, либо самым ужасным. Как, например, на Олимпийских играх в Рио, когда мы в финале проиграли россиянам. У нас был шанс выиграть, но я не смог принести победу своей команде. Это был тяжелый удар. Думаю, что мы недооценили вашу команду. По ходу встречи вели с хорошим запасом – 35:30, и я думал, что матч сделан. Но на заключительный бой выходил, когда мы уже проигрывали два укола. В такие минуты думаешь: «Я много раз уже это делал – отыгрывал. Почему бы не сделать еще раз?» И – проигрываешь. После такого поражения испытываешь ужасное состояние. Возможно, кстати, поэтому я и остался еще на одно четырехлетие. А что? Хорошая причина. (Улыбается.)

– При этом тренер всегда ставит тебя на заключительный бой. Это означает, что у тебя самые крепкие нервы в команде?

– Не знаю. Я никогда об этом не просил. Если честно, для меня фехтовать последним номером сложно, так как связано с большой ответственностью. Когда выигрываешь, все замечательно. Но если проигрываешь, это ужасно. Однако тренеры мне просто не оставляют выбора. Я фехтую с 2004 года, так что уже не могу отказаться. Но по ходу этого сезона и следующего мы, конечно, будем пробовать какие-то варианты с более молодыми фехтовальщиками. Здесь все зависит от команды и тренера.

– Ты капитан команды или у вас нет такого звания?

– Не совсем капитан. Потому что у нас есть тренер, и все решения принимает он. А я помогаю нашим ребятам поддерживать с ним контакт. Если у кого-то есть проблема, он может поговорить со мной, обсудить, а потом я передам все тренеру. Так что это не совсем звание капитана. Но я самый старший член команды. У меня больше всех опыта, и мои товарищи мне доверяют.

– Как фехтование пришло в твою жизнь?

– Я пробовал заниматься разными видами спорта:

футболом, дзюдо, гимнастикой, плаванием, но ни один не подходил. А фехтовальный клуб был практически рядом с домом. Родители спросили: «Хочешь попробовать этот вид спорта?» Я ответил, что даже не знаю, что такое фехтование. Но решил попробовать, и мы пришли в этот очень-очень маленький клуб. Сначала я оценил не сам спорт, а атмосферу. В течение года занимался исключительно из-за атмосферы. Мне было весело, появилось много друзей. А через год я поехал на первые соревнования и показал хороший результат. Вот тогда и подумал: «Хм! Фехтование не такой плохой вид спорта!» И дальше десять лет целенаправленно работал. Когда мы начинали, в клубе было всего 20 фехтовальщиков, а потом их число выросло до 150. Наши успешные результаты стали привлекать других ребят. Это была отличная часть моей жизни.

– Этот же успех привлекает и огромное число болельщиков на этап Гран-при во Франции или есть другие причины?

– Отчасти. В это трудно поверить, но каждый год на Гран-при в Париже зал действительно полон. Это удивительные соревнования. Возможно, причина в том, что турнир проводится на протяжении многих лет. И парижане, даже те, кто не занимается фехтованием, прекрасно знают о нем. Люди ищут, чем бы заняться на выходных с детьми. И, поскольку турнир проводится ежегодно в одно и то же время, с радостью приходят. К тому же мы всегда

много говорим об этих соревнованиях по телевидению, по радио, на улицах много рекламы. Плюс 30 % всех фехтовальщиков Франции живут в Париже. Так что даже если они просто придут со своими друзьями и семьями, трибуны уже будут полными. Но, кстати, поболеть приходят не только фехтовальщики. По атмосфере это удивительный турнир, сравнимый с Олимпийскими играми. Можете спросить любого фехтовальщика, и он подтвердит.

– А вам домашние стены помогают или оказывают дополнительное давление?

– В зависимости от обстоятельств. Иногда чувствуешь давление, а иногда уверенность в том, что никто не сможет тебя победить. Бывает, что самочувствие не очень хорошее, но публика ждет от тебя успеха, и это вызывает дополнительный стресс. Ты знаешь, что на тебя пришли посмотреть твоя семья, твои друзья, руководство федерации, и это давит. А если самочувствие прекрасное, то зрительный зал тебе помогает. Это что касается личных соревнований. Ну, а в командных совершенно другой настрой. Там гораздо меньше давление, а помощь ощущается в несколько раз сильнее. Потому что давление ты разделяешь с товарищами по команде и тренером, а зал отдает тебе свою энергию и поддержку. И в благодарность за это по завершении соревнований мы всегда стараемся остаться подольше вместе с болельщиками, среди которых много детей.

– Ты уже говорил, что Игры в Токио станут для тебя последними в карьере. Но ведь следующая Олимпиада пройдет в Париже. Планируешь ли ты принять в ней участие в каком-либо качестве?

– Да, меня как призера Олимпийских игр уже просили принять участие в продвижении турнира. Но пока для меня это сложно, потому что я действующий спортсмен и предпочитаю фокусироваться на своей карьере. Однако в будущем, по ее завершении, планирую стать тренером. И, возможно, приму участие в этих Олимпийских играх уже в новом качестве.

– Ты уже тренируешь или только планируешь начать?

– Я уже два года работаю с национальной юниорской командой наряду с тренером сборной. Раз в неделю даю уроки и провожу тренировки. Ездил с юниорами на ряд соревнований, включая этапы Кубка мира. Мне нравится эта работа, нравится учиться, узнавать новое, улучшать свои тренерские навыки. Да и спортсмены мне доверяют. Кроме того, они могут многое у меня взять. Не каждый хороший спортсмен становится хорошим тренером. Но если ты хороший фехтовальщик, то у тебя есть шанс. Я занимаюсь фехтованием давно, поэтому могу дать много полезных советов. У нас отличная юниорская команда. Я хочу помочь им стать еще лучше к следующим Олимпийским играм.

– Бытует мнение, что в тренеры идут спортсмены, которые не сумели добиться выдающихся результатов в собственной карьере. Таким образом они компенсируют свой неуспех. Что ты об этом думаешь?

– Это точно не моя история. Я абсолютно доволен своей карьерой – спокойно мог бы закончить прямо сейчас и ни о чем не жалеть. Конечно, у меня были неудачные соревнования, и я сожалею о том, что что-то не получилось. Но это уже в прошлом. Как уже говорил, я не планировал такой долгой карьеры. Для меня и одной Олимпиады было бы достаточно. Я начал тренировать исключительно потому, что мне нравится это занятие. Нравится передавать опыт молодому поколению. Благодаря фехтованию я прожил очень счастливую жизнь и очень много получил. Теперь хочу поделиться тем, что у меня есть. Если смогу помочь молодежи стать лучше, буду счастлив. Если они будут довольны мной, я уйду без проблем и найду себе какое-нибудь другое занятие.

– Ты точно можешь поделиться с ними тем, как надо, имея достаточно скромный рост, обыгрывать ребят с длинными руками и ногами. Как тебе это удается?

– Многие молодые фехтовальщики задают тот же самый вопрос. Не могу назвать себя образцом для подражания, но мне есть чем гордиться. Я могу побе-

дить и побеждал многих соперников. Да, я не самый сильный и не самый высокий, но даже с такими данными я неплохой фехтовальщик. Главное в нашем виде спорта – это учиться и улучшать свои навыки, исходя из своих природных данных. В моем случае, поскольку я ниже большинства соперников, нужно гораздо быстрее и больше двигаться, чтобы подбратиться на свою дистанцию. Потому что с дальней дистанции мне ничего не удастся сделать со своим соперником. Это не сложнее, это просто по-другому. Кстати, забавный момент: после Олимпийских игр мне многие говорили, что думали, будто я гораздо выше ростом, если судить по телекартинке.

– А когда ты больше переживаешь: когда фехтуешь сам, когда наблюдаешь за своими товарищами по команде или когда выезжаешь на турнир с юниорами?

– Переживаю всегда. Но больше всего, когда я не на дорожке. Моя жена тоже фехтовальщица, и нет большего испытания, чем наблюдать за ней. В таких ситуациях очень хочется ей помочь, но нет возможности. Хотя бывают и собственные ужасные бои. Например, когда по итогу встречи ты проиграл один-два укола.

На мой взгляд, 50 % фехтования происходит в мозгу. Возьмем Олимпийские игры – это ведь не самый сложный турнир. Во-первых, потому что среди его участников нет многих отличных спортсменов, которым не удалось получить лицензию. Во-вторых, он состоит всего из четырех боев – это гораздо меньше, чем на этапах Кубка мира и чемпионатах. Но с эмоциональной точки зрения это худший из всех турниров. Он самый сложный не из-за уровня, а из-за огромного стресса. Поэтому на фехтовальных соревнованиях мне всегда непросто: и в качестве спортсмена, и в качестве тренера, и в качестве товарища по команде, и в качестве друга и мужа. Лучший спортсмен тот, кто может забыть о волнении, когда начинает фехтовать. Как это сделать? У меня нет ответа.

– Ты сам фехтовальщик, твоя жена тоже, плюс тренерская работа. Вы не устаете от фехтования?

– Забавно, но недавно я говорил об этом с мамой. Дело в том, что у нас на протяжении трех недель гостило японское телевидение. Снимало документальный фильм о нас с Инес. И ребята из съемочной группы были поражены тем, насколько мы погружены в фехтование. Они тоже спрашивали, не устаем ли мы от этого. Но я ответил: «Нет». Потому что это моя жизнь. Это моя работа. То же касается моей жены и друзей. Все они появились благодаря фехтованию. И да – дома мы тоже говорим о фехтовании. Смотрим по телевизору турниры, иногда по другим видам оружия – по сабле

или по шпаге. Мне нравится, что, вернувшись вечером с работы, я могу обсудить с близкими людьми то, что у меня произошло за день. Это не просто спорт, это страсть. Я начал заниматься в 6–7 лет, моя жена где-то в пять. Вся наша жизнь посвящена фехтованию. Так что для нас это не проблема.

– Есть два подхода к счастливой семейной жизни: либо жить одним делом, либо оставлять работу на работе, не приносить ее домой.

– Мы пробовали и такой вариант. В течение двухнедельного отпуска пытались заняться чем-то совершенно отвлеченным: ходить в рестораны, разговаривать на другие темы. Но дело в том, что фехтовальный сезон заканчивается в июле, а новый начинается уже в сентябре. У нас не так много времени на то, чтобы забыть о фехтовании. Бывает, приходим с тренировки и начинаем строить планы на выходные: «Хочешь выбраться в Париж?» – «Конечно!» Но к концу недели мы оказываемся сильно уставшими, а через несколько дней нужно отправляться на соревнования, так что в итоге остаемся дома. Сейчас наша жизнь на 100 % подчинена фехтованию. А когда оба закончим, то его останется процентов 60. Тогда, может быть, начнется другая жизнь.

– Вы оба собираетесь завершить карьеру после Олимпийских игр в Токио? Или Инес продолжит фехтовать?

– Думаю, что она продолжит. Наверное, проведет еще один олимпийский цикл, а дальше посмотрим. Инес приехала из Туниса, где она единственная спортсменка такого уровня. Допустим, если взять меня, то я частично завишу от решения Федерации фехтования Франции, так как важны не только личные результаты, но и мое выступление в команде. У Инес другая ситуация: она совершенно одна, поэтому принимать решение должна самостоятельно. При желании она может фехтовать еще и четыре года, и восемь лет. Посмотрим, что будет в Токио. Как бы то ни было, я поддержу любой ее выбор.

– Если Инес продолжит, то будет постоянно уезжать на соревнования. Тебе придется ее ждать. Не пугает такая перспектива?

– Нет. Если я стану тренером, то в то время, когда она тренируется, буду работать с молодежью. Когда она будет ездить на свои турниры, я тоже буду находиться в поездках. На мой взгляд, это самый приемлемый вариант в сложившейся ситуации.

– Во всем можно найти плюсы: кратковременные разлуки оживляют чувства и дают возможность другу по другу соскучиться.

– Честно говоря, для меня это тяжело. А вот ей это как раз необходимо. Шучу. На самом деле это правда неплохо. Две недели мы проводим порознь, каждый на своих турнирах. Потом встречаемся на общих соревнованиях. За это время действительно успеваем соскучиться друг по другу.

– А вы соревнуетесь друг с другом по части результатов?

– Я бы не назвал это соревнованием, скорее вдохновляем друг друга. Когда у нее есть медаль, я тоже хочу хорошо выступить. Но не для того, чтобы превзойти ее и доказать, что я круче. Была забавная ситуация в Шанхае два года назад. В первый день турнира я помогал ей в качестве тренера, и она стала третьей. А на следующий день пришла моя очередь фехтовать. Тут уже она помогала мне, и я тоже стал третьим. А день, когда она выиграла медаль на Олимпийских играх в Рио в 2016 году, был самым лучшим в моей жизни. Я плакал от счастья. После того как мы вернулись в Олимпийскую деревню, она сказала мне: «Представь, что ты тоже выиграл медаль». Я ответил, что это будет очень сложно. Но она сказала: «Если я смогла, ты тоже сможешь». Думаю, тогда она передала мне часть своей энергии и уверенности. В итоге мы оба вернулись домой с медалями. Это был совершенно потрясающий момент в нашей жизни.

Так что мы не соперничаем, а поддерживаем друг друга в плане результатов, да и вообще во всем. Если смог один, как бы ни было сложно, сможет и другой. Она же тренируется совершенно одна. С тренером по физподготовке она тоже работает одна. У нее нет друзей, чтобы помогать и мотивировать. И когда я рассказываю ей о том, как мне было сейчас тяжело на тренировке, что я там делал, она чувствует себя не такой одинокой.

– При этом ты считаешь ее психологически более сильной. Почему?

– Она очень сильный человек. Уехала из своей страны в 18 лет и оказалась одна во Франции. Да, она говорит по-французски, но я даже не могу представить, до какой степени сложно, несмотря на это, дался ей переезд. Все нужно было делать одной: искать дом, клуб, тренера. Но она развила в себе потрясающие качества бойца. В ней живет дух борьбы. При этом она остается очень милой, постоянно улыбается, никогда не кричит. Но когда выходит на дорожку, то становится совершенно сумасшедшей. Как спортсменка она агрессивная и уверенная. Для меня она одна из лучших фехтовальщиц мира.

Нам всем – россиянам, итальянцам, американцам, французам – жить гораздо проще. С нами рядом друзья, близкие, наши федерации. Вокруг полно тренеров, которые подсказывают, что и как делать. А ей

приходится заботиться о себе самой. Не знаю, как она выдерживает. Но Инес никогда не сдается. Помните бой за третье место на Олимпийских играх в Рио? Счет перед перерывом был 8:2 или что-то в этом духе в пользу Шанаевой, и для меня все было кончено. Я думал, что Инес останется четвертой, без медали. Но она нашла в себе силы и переломила ситуацию. Притом что, как я уже говорил, в жизни она совершенно другая, и для меня это удивительно.

– Неоднократно замечала, что на дорожке многие люди действительно преображаются.

– Я такой же. Это и японские телевизионщики отметили. Они уже знали, что в обычной жизни я скромный и спокойный. Но потом увидели меня на соревнованиях, где я кричал, рвал и метал. Выходит, у многих спортсменов как бы двойная ментальность и двойная жизнь. Возможно, в этом нам помогает маска. Я ведь застенчивый с юности, и маска всегда помогала мне ощутить себя более сильным и уверенным.

– Хочу задать один очень деликатный вопрос. Знаю, что ради Инес ты принял ислам. А до этого принадлежал к какой-то конфессии?

– Нет, и сейчас не являюсь верующим. Но Инес мусульманка, и это необходимо было сделать для свадьбы. Для меня это больше жест поддержки. Выражение того, что я понимаю ее, принимаю и уважаю.

– А ты пытался глубже познакомиться с этой частью жизни? Например, читать какие-то тексты, чтобы лучше ее понять?

– В самом начале. На мой взгляд, дело не только в религии, для них это часть культуры. Потому что, хоть в Тунисе и говорят по-французски, там совершенно другая культура. Вначале я не мог понять, почему она тем или иным образом реагирует на какие-то вещи. Помогли ее родители и братья. Они мне многое объяснили.

– Что самое интересное ты узнал об их культуре?

– Они не имеют права лгать. Это запрещено. И они всегда должны быть милыми и мирными. Конечно, Инес не всегда такая. Но она всегда пытается найти в людях что-то хорошее. Если вы о чем-то ее попросите, то она никогда не откажет и будет пытаться найти способы вам помочь. В этом плане она сильно отличается от меня. Я могу быть в отвратительном настроении, могу злиться на людей. Не всегда бываю хорошим, хотя в целом не плохой человек. Она – нет. Если она злится, то пытается выяснить, в чем причина и как снова вернуться в мирное состояние. Мне это очень нравится.

– Но есть одна вещь, которая тебе все же не нравится. Это ее увлечение социальными сетями. Так?

– Да, это у нас большая проблема. Она может провести целый день в «Фейсбуке» или «Инстаграме». А я предпочитаю наслаждаться общением с моими друзьями, женой и семьей в реальном мире. Конечно, узнавать новости – это важно, но не каждый же день. Да, иногда я шучу о нашей разнице поколений. Но все не так страшно.

– У тебя есть сын от первого брака. Он уже взрослый, наверное?

– Да, я люблю говорить «мой маленький мальчик», хотя он уже далеко не маленький. Сейчас Ноаму 11 лет. Он живет в Испании с матерью. Но иногда приезжает на соревнования, чтобы увидеть меня и Инес, и, конечно, на каникулы. Тогда мы наслаждаемся общением друг с другом. Проводим вместе все дни.

– Фехтует?

– Нет, играет в футбол, они же в Барселоне живут.

Но в прошлом году мы ездили в Таиланд в фехтовальный тренировочный лагерь, и там было много детей его возраста. Вначале он стоял в стороне и просто наблюдал. А через два дня друг спросил его: «Хочешь попробовать?» И он ответил: «Да, да, да». Так что в конце тренировочного лагеря он уже фехтовал вместе со всеми. Это было забавно. И очень порадовало меня.

– Ты называешь сына «маленький мальчик», в то время как у тебя самого было прозвище в команде «маленький мужчина». Как оно появилось?

– Мне дал его мой прежний тренер, который сейчас работает с японскими девушками. Я тогда только пришел в команду. Посыл был таким: он маленький, и мы должны о нем заботиться. Поэтому я не обижался. Но сейчас прозвище стало неактуальным, потому что все в команде моложе меня. И они не могут меня так называть. Тренеры – да, кто-то из более возрастных фехтовальщиков – да, но не молодежь. Хотя я нормально к этому отношусь. 📌

ИНЕС БУБАКРИ INES BOUBAKRI

- Тунис, 30 лет.
- Рапиристка, фехтует левой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2006 года.
- Участница трех Олимпиад: 2008, 2012, 2016.
- Бронзовый призер ОИ-2016 в личном первенстве.
- Двукратный бронзовый призер чемпионатов мира в личном первенстве: 2014, 2018.
- 13-кратная чемпионка Африки в личном первенстве.
- Две «бронзы» на этапах Кубка мира и одна – на турнире серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 4-е место (2018).

ИНЕС БУБАКРИ ВОСТОК И ЗАПАД

Мила Волкова

Она родилась в Тунисе и пришла в фехтование вслед за своей матерью Хендой Заоуали. А вот личное счастье нашла во Франции, но тоже с фехтовальщиком – Эрванном ле Пешу. В Рио-де-Жанейро они стали одной из самых успешных фехтовальных пар, выигравшей две медали – серебряную и бронзовую. «Бронза» Инес Бубакри оказалась первой олимпийской наградой в истории тунисского фехтования.

– Инес, начнем с последних событий – твоего выступления на чемпионате мира. Что случилось в поединке с китайской Чен Цинюань в 1/32 финала?

– Я проиграла. Вела по ходу встречи 11:6, но в какой-то момент начала сомневаться. У меня было не очень хорошее самочувствие. В итоге я потеряла уверенность и концентрацию. Мне кажется, что темп встречи был слишком высок для меня. Пока сложно анализировать причины. Знаю, что в определенный момент перестала показывать свое фехтование и пошла за соперницей. В итоге стало 14:14, а кто нанесет 15-й укол, это вопрос везения. Таков спорт – ты можешь проиграть даже в первом круге. Могу сказать, что это был не мой турнир и не мой сезон.

– Удивительно, что ты находишь силы говорить об этом. К слову, твой муж описывает тебя как очень позитивного и неунывающего человека. Как тебе это удается?

– Точно так же, как тысяче людей до меня. Я просто стараюсь ни о чем не жалеть. В противном случае перестану быть оптимистом. Продолжаю верить в себя, в то, что могу сделать, и много работаю. Помню, не так давно многие в мире удивлялись, увидев, что девушки из Туниса способны фехтовать на хорошем уровне. Но в итоге поверили, что я могу выиграть медаль на чемпионате мира или Олим-

пийских играх. А я просто работаю, продолжаю фехтовать и доказывать на дорожке, что все в этом мире возможно, вне зависимости от того, откуда ты приехал. Как видите, ничего сверхъестественного. А если проигрываю – что делать: это спорт. Конечно, я бываю расстроена на протяжении часа или двух, но потом говорю себе: «Надо работать дальше, работать усерднее, чтобы потом взять реванш». Вот и весь мой секрет.

– Твоя мама также была фехтовальщицей. Любовь к этому виду спорта у тебя от нее?

– Да, она выступала на Олимпийских играх в Атланта. И передала мне свою страсть к фехтованию. Я ездила с ней и на тренировки, и на соревнования. И, как и она, выбрала рапиру.

– А кроме нее у тебя были кумиры в фехтовании?

– Да, у мамы была подруга – олимпийская чемпионка и чемпионка мира из Румынии Лаура Бадя. Я была буквально влюблена в эту женщину. Она привлекательная, к тому же левша, как и я. Великолепно фехтовала. У нас в Тунисе как-то проходил этап Кубка мира, и Лаура туда приехала. Помню, я с восхищением следила за ее выступлением. Думала: «Вот мой кумир!» Потом она как-то приехала

к нам на тренировку и фехтовала со мной. Для меня это было просто волшебство какое-то. (Улыбается.)

– Получается, у вас настоящая фехтовальная династия, включая маму и мужа.

– Да, очень часто фехтование становится семейным проектом.

– А ты бы хотела, чтобы ваши с Эрванном дети тоже занимались фехтованием?

– Не уверена. Конечно, я покажу им фехтование и расскажу о нем. Если им понравится, пусть занимаются. Но не буду специально их подталкивать к этому. Если они выберут другой вид спорта, то поддержу именно их выбор.

– Будучи совсем юной, ты ради фехтования переехала из Туниса во Францию. Чье это было решение?

– Это было наше совместное с семьей решение. Я уже достигла в Тунисе неплохого уровня фехтования, но для того, чтобы его повысить и улучшить результат, этого было недостаточно. Поэтому мы решили, что мне нужно переехать во Францию. Во-первых, она недалеко от Туниса. Во-вторых, там много клубов, где я могу фехтовать, с очень хорошим уровнем подготовки. В-третьих, в Тунисе второй язык – французский. Так что я хорошо говорю по-французски. Переезд в другую страну – всегда непростое дело, поэтому гораздо легче, если ты говоришь на языке той страны, где собираешься жить. Так тебе проще общаться с людьми. В итоге я уже 10 лет занимаюсь в клубе в Бур-ла-Рен. Встретила там своего наставника Яна Детьена, с которым мы добились хороших результатов.

– Переехала одна?

– Да, одна. Я закончила школу в Тунисе, а в институт поступила уже во Франции. Мне было тогда 18 лет.

– Переезд дался тебе легко или сложно?

– Вначале было очень сложно. Потому что Франция – это совершенно другая культура, другие традиции. Мне потребовалось достаточно много времени, чтобы интегрироваться во французское общество. Но в итоге я хорошо адаптировалась. В спорте это сделать все же проще: ты легче знакомишься с людьми и не останешься без общения. Конечно, сложности были, потому что очень много нового пришло в мою жизнь, но я настраивалась быть сильной. Старалась как можно больше думать о фехтовании, своей карьере, и это помогало.

– Что тебе больше всего нравится во французской культуре?

– То, как они принимают людей из других стран

и другого вероисповедания. Они относятся ко всем с большим уважением. Если ты уважаешь их, то им не важны различия, им не важно, во что ты веришь и где раньше жил. На своем опыте могу сказать, что мне помогало очень много людей, и у меня появилось много друзей во Франции. Наверное, эту их черту можно назвать открытостью.

– По словам Эрванна, одна из твоих отличительных черт, которая связана с твоей культурой, – умение всегда говорить правду, то есть не врать. Это так?

– Да, в нашей культуре ты должен быть честен по отношению к другим людям. И в моей семье учили не врать, так что меня можно назвать честным человеком. Даже не могу придумать повод, по которому я могла бы соврать.

– Это редкое качество, потому что в современном мире мало кто может прожить хотя бы один день, не соврав по мелочи.

– Да, согласна. И я тоже иногда пытаюсь, но у меня все написано на лице. Поэтому смысла никакого нет. (Улыбается.)

– Ты участница трех Олимпиад. Расскажи о каждой из них.

– Пекинская Олимпиада была у меня первой. Там в первом же бою я встретилась с самой возрастной фехтовальщицей – китайкой Луан Цзюцзи, которая представляла Канаду. У меня не получилось сфокусироваться на поединке. Я не фехтовала, а больше рассматривала трибуны, зрителей, искала друзей. Думала: «Вау, я на Олимпийских играх!» Я была очень молодой, все вокруг оказалось ново для меня. Много зрителей, телеканалы, журналисты. Это был удивительный опыт, я радовалась, что смогла принять участие в Олимпиаде.

В Лондоне все было совершенно иначе. В четвертьфинале я проиграла один укол Валентине Веццали. Была гораздо лучше готова и уже знала, чего ждать от Олимпиады. Хотела сражаться и показать хороший результат. Там я стала шестой, а затем в Рио – третьей. Шаг за шагом, но я прогрессирую. В 2016-м была уже гораздо более уверенной в себе и более опытной. Много и плодотворно работала в течение олимпийского сезона, хорошо подготовилась. Чувствовала, что на этот раз могу выиграть медаль, и я ее выиграла.

– Мне особенно запомнился твой бой с Аидой Шаневой на Олимпиаде в Рио. На перерыв она уходила с большим преимуществом, но потом ты сумела переломить ход встречи.

– Да, во время перерыва меня очень хорошо настроил тренер. Помню, он спрашивал: «Что ты делаешь? Спишь!

Это не твое фехтование!» Это была правда. В начале я не могла настроиться на тот бой. Возможно, потому что перед полуфиналом снова вернулись боли в спине. И я была больше сфокусирована на своей спине. Но тренер встряхнул меня, сказал, что я должна начать фехтовать. Я стала действовать более агрессивно, и это принесло мне бронзовую медаль.

– С медалью из Рио вернулась не только ты, но и твой муж Эрванн Ле Пешу. Вы поддерживали там друг друга или немного соревновались по части результатов?

– Нет, мы вообще никогда в этом плане не соревнуемся. Когда я выиграла свою медаль, то сказала Эрванну: «Будет здорово, если ты тоже выиграешь, у вас есть шанс», – так как у него через пару дней должны были быть командные соревнования. Он ответил: «Почему бы нет». Конечно, мы не ожидали, что сможем вернуться с двумя медалями. Но думаю, что моя «бронза» его вдохновила. Сделала сильнее и увереннее. Настроила на борьбу в команде, придала нужный дух, ведь он ее лидер, капитан. Он прекрасно фехтовал сам и находил нужные слова, чтобы мотивировать товарищей по команде. В итоге они хорошо боролись и показывали сильное фехтование. Здорово, что нам удалось вернуться с Олимпиады с двумя медалями как олимпийская пара.

– Ты знаешь, что он считает тебя гораздо более сильной фехтовальщицей, чем он сам?

– Да, он то же самое говорил мне. Дело в том, что на чемпионате мира и Олимпийских играх я настоящий боец. Сражаюсь за каждый укол и не сдаюсь до самого конца. Я верю в себя и не боюсь соперника. Мне нравится фехтовать, и я стремлюсь делать это максимально хорошо. А у него это порой вызывает слишком большой стресс.

– По поводу твоей «бронзы» в Тунисе устроили национальный праздник?

– В какой-то степени. Многие люди действительно следили за тем матчем. Это оказалась не просто первая медаль для тунисского фехтования, но и первая медаль всей сборной Туниса на Олимпиаде в Рио. Поэтому люди были очень счастливы. Так что я немного прославилась в своей стране, после того как выиграла «бронзу».

– Предполагаю, что не только в своей. Мне известно, что к вам приезжала съемочная группа из Японии.

– Да, это было национальное телевидение Японии. Они снимали о нас документальный фильм. Честно говоря, это стало для нас сюрпризом. Им понравилась наша история. То, что мы такая необычная пара: Эрванн из Франции, я из Туниса. У нас разные культуры, но, несмотря на это, мы стали замечательной

парой. Занимаемся одним и тем же видом спорта, и у обоих есть олимпийские медали. Они следовали за нами повсюду на протяжении месяца. Снимали на тренировках, дома, в ресторане. Снимали встречи с друзьями. Плюс наш визит к родителям Эрванна на уикенд. Так что теперь мы знамениты и в Японии. (Смеется.) Думаю, фехтование в Японии сейчас находится на подъеме, вот они и захотели рассказать нашу историю своим людям.

– Как вы познакомились с Эрванном? Кто кого первый заметил?

– Мы познакомились на французских соревнованиях. Я сидела с друзьями, и он подошел, потому что ждал кого-то из них. Как-то незаметно мы начали общаться, но исключительно как друзья. А потом, когда я переехала во Францию, стала встречать его чаще и чаще, и так постепенно начались наши отношения.

– В то время он уже был известным фехтовальщиком...

– Но я об этом не знала, хотя он в такое не верит. Меня это забавляет, потому что когда я была молодой, то не следила за мужской рапирой. Только за женской. Я знала Валентину Веццали и других девушек. И, когда мы познакомились, не знала, что он номер один во Франции и входит в топ фехтовальщиков мира. Так что я влюбилась в него, не в его достижения.

– А он даже пошел на смену религии ради тебя.

– Да, это правда. Не могу назвать себя серьезно практикующей мусульманкой, но я верующий человек. И он принял меня такой, какая я есть. У нас все отлично. Любовь гораздо важнее, чем религия и страна. Если двое людей любят друг друга, они забывают обо всем остальном на свете.

– Но пикировки все же случаются, например по поводу социальных сетей?

– Да, у нас по этому поводу возникает много стычек. Его социальные сети совершенно не интересуют. А мне они нужны, потому что у меня есть спонсоры, есть подписчики и болельщики. Но я не могу сказать, что провожу там слишком много времени. Так что он почти смирился.

– Дома вы много говорите о фехтовании или предпочитаете общаться на другие темы?

– Мы пытаемся избегать этой темы, но в конце концов все равно начинаем говорить о фехтовании. Стараемся делать это как можно меньше, но совсем не говорить о нем не получается. Всегда находится, что обсудить.

– После Олимпиады в Рио у тебя был длительный перерыв. С чем он был связан?

– Еще до Олимпиады у меня возникла проблема с коленом, но до Игр оставалось слишком мало времени, чтобы делать операцию. Плюс после операции длительное время заняло бы восстановление, поэтому мы приняли решение оперироваться уже после Рио. В итоге все прошло успешно. Хотя восстановление действительно было долгим. Мы старались не форсировать события. Восемь месяцев я вообще не фехтовала, только ходила на физиопроцедуры.

– А ты не брала уроки во время своего восстановления? Например, наша Инна Дериглазова, будучи беременной, фехтовала, сидя на стуле.

– Нет, пока я не могла выйти на дорожку, не брала в руки оружие. А вот уже потом, когда вернулась к фехтованию, если начинала испытывать боль, то продолжала фехтовать и брать уроки, сидя на столе: он подходил по высоте. Это было пару раз.

– У тебя скопилась достаточно большая коллекция бронзовых наград. Что мешает сделать шаг вперед и взять, например, «серебро»?

– Постоянно задаю себе тот же самый вопрос. Дело не в качестве моего фехтования. Я показываю хороший результат, когда все происходит достаточно быстро. Но, если приходится долго ждать, что-то идет не так. Например, на чемпионатах мира у нас обычно большой перерыв перед полуфиналами – порядка двух часов. Думаю, это снижает мой настрой, расхолаживает. Кому-то помогает, но точно не мне. Тем не менее я попробую сменить цвет медали на Олимпиаде в Токио. Возможно, это будет «золото».

– У Эрванна Олимпийские игры в Токио будут заключительными в карьере, но при этом он абсолютно не против того, чтобы ты продолжила фехтовать. Что думаешь о продолжении своей карьеры?

– Честно, пока не знаю. С уверенностью могу сказать лишь, что после Олимпиады хочу взять паузу и подумать, чем заниматься дальше. Возможно, я продолжу карьеру, а может быть, решу родить ребенка. Не хочу сейчас об этом задумываться. Много будет зависеть от результата. Так что давайтеждемся итогов Токио и потом поговорим на эту тему.

– Во всяком случае, пример российских спортсменок и девушек из Италии показывает, что можно родить ребенка, потом вернуться и успешно выступать.

– Да-да, опыт Элизы Ди Франчески демонстрирует, что все возможно. Но я не хочу сейчас заикливаться на этом вопросе. Стараюсь никогда не планировать в жизни ничего слишком активно не планировать. Пусть моя судьба сама пишет свою историю. Вдруг что-то запланирую, а это не исполнится? Тогда я буду разочарована. Предпочитаю, чтобы все шло своим чередом.

– Что тебе еще интересно помимо фехтования?

– С фехтованием не так много времени остается на что-то другое. И все оставшееся время мы просто отдыхаем. А так я обычный человек. Мне нравится шопинг. Нравится встречаться с друзьями, заниматься фитнесом, аэробикой, танцами. Нравится болтать о чем-то совершенно постороннем, ходить в ресторан. Я также получаю удовольствие от общения с семьей. Мы не так часто видимся. Мне нравится путешествовать, у меня очень много друзей по всему миру. Нравится просто наслаждаться жизнью с близкими мне людьми. 📌

РИЧАРД КРЮЗ RICHARD KRUSE

- Великобритания, 36 лет.
- Рапирист, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2003 года.
- Участник четырех Олимпиад: 2004, 2008, 2012, 2016.
- Серебряный призер ЧМ-2018.
- Победитель Всемирных игр боевых искусств (2013) в личном первенстве.
- Победитель I Европейских игр (2015) в команде.
- Серебряный призер ЧЕ-2009 в личном первенстве.
- Бронзовый призер ЧЕ в личном (2010, 2012) и командном (2010, 2013, 2016) первенстве.
- 5 побед на этапах Кубка мира, 4 – на турнирах серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 2-е место (2018).

РИЧАРД КРЮЗ ИЗ БРИТАНИИ С ЛЮБОВЬЮ

Мила Волкова

Ричарда Крюза можно назвать фехтовальным ветераном, но только по возрасту. Его карьера, напротив, переживает свой ренессанс. В прошлом сезоне британец стал вице-чемпионом мира, а в этом некоторое время возглавлял мировой рейтинг. Об этом и многом другом, включая Brexit, мы побеседовали на этапе Кубка мира в Санкт-Петербурге, причем на русском языке. Об этом попросил сам Ричард – в качестве дополнительной языковой практики.

– Ричард, расскажи, откуда у тебя интерес к изучению русского языка?

– Я им заинтересовался потому, что очень люблю путешествовать. И, зная русский язык, могу свободно посещать республики бывшего Советского Союза. объездил уже все, за исключением Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Побываю там, и у меня будет фулл-хаус. Особенно я хочу съездить в Туркменистан, но туда очень сложно получить визу. Это как Северная Корея и Лас-Вегас в одном флаконе. Я начал учить язык примерно 3–4 года назад, но сейчас немного приостановился. Это очень интересно и отлично развивает мозги. Старался учить в автобусах и поездах. Также я практикуюсь говорить на русском со своим тренером – Земовитом Войцеховским. Он поляк, но неплохо говорит.

– Читаешь какие-нибудь книги на русском?

– Нет, я изучал только разговорный язык. Но могу читать надписи спокойно, что-то заказать в ресторане и пообщаться с людьми. Иногда мне приходится использовать некоторые английские слова, потому что что я не знаю, как это сказать по-русски.

– Ходят слухи, что ты к тому же еще и аристократ, голубых кровей. Это правда?

– Нет. (Улыбается.) Я обычный бедный парень, и кровь у меня красная. Вот Маркус Мепстед у нас богатый товарищ, возможно, даже аристократ.

– За все время карьеры у тебя был один-единственный тренер. Вы не устали друг от друга за столько лет?

– Нет. Я действительно начал заниматься у него в 1994 году, и до сих пор мы работаем вместе. Мне это всегда было удобно, потому что его клуб находился рядом с моим домом. Кроме того, моя сестра знакома с его дочерью, и через нее он порекомендовал мне попробовать заняться фехтованием. Для меня это было удивительно, потому что этот вид спорта совсем не известен в моей стране. И я ничего о нем не знал, но пришел, попробовал, влюбился в фехтование и вот все еще продолжаю им заниматься. Хотя мне 35 лет и я уже старый.

– Но это не мешает тебе занимать высокое место в мировом рейтинге, а зимой ты и вовсе был первым...

– Да, продержался целых две недели. Теперь могу сказать, что хотя бы раз, но это было в моей карьере.

В целом я провел достаточно хороший сезон, выиграл три этапа Кубка мира: Бонн, Токио и Шанхай. Плюс стал серебряным призером мирового первенства в Уси. Но мне не мешает еще один хороший результат, для того чтобы отобраться на Олимпийские игры. Я очень хочу поехать на Олимпиаду в Токио. Но, если мне это не удастся, не проблема – буду отдыхать. В конце концов, я уже был на четырех Олимпийских играх. Но хочу и на пятые.

Думаю, что у меня была отличная карьера и интересная жизнь. Это гораздо лучше, чем каждый день работать в офисе. Там ведь скучно. Гораздо лучше путешествовать по миру и тренироваться. Кроме того, у меня есть еще одна мечта. Я хочу завершить карьеру, имея в активе 10 побед на этапах Кубка мира. Сейчас их девять, осталась одна. Хочется, чтобы было круглое число. И у меня еще целый год, чтобы этого добиться.

– На мой взгляд, у тебя карьера пошла в гору. Можно сказать, что ты переживаешь фехтовальный ренессанс?

– Да, действительно. У меня были хорошие результаты в 2009 году, потом все пошло на спад. Не знаю почему. Результаты в спорте идут волнообразно. Иногда ты выступаешь хорошо, иногда плохо. Почему? Загадка. Если бы мне удалось ее разгадать, я бы всегда выступал только хорошо.

– А ты когда-нибудь сомневался в правильности своего выбора? Может быть, стоило поработать с каким-нибудь другим наставником?

– Нет. Земовит постоянно совершенствуется, старается узнать что-то новое и обучить меня этому. Думаю, что он лучший в мире тренер, поэтому я ничего не хотел менять. И сейчас не хочу. Я абсолютно в нем уверен. Он, правда, очень много работает, дает большое количество уроков каждый день. У нас также занимаются иностранные спортсмены: Александр Шупенич, Алекс Тофалидис, а также ребята из Туниса, Кувейта и других стран.

– Ты был сильно разочарован четвертым местом на Олимпиаде в Рио?

– Да, это было досадно. Я очень хотел подняться на пьедестал, но не удалось. Хотя все было так близко. К счастью, теперь у меня есть медаль чемпионата мира. Все это время я очень хотел хотя бы раз постоять на пьедестале, и прошлым летом моя мечта сбылась. Я стал серебряным призером в Уси.

– После Рио ты долгое время не фехтовал в команде, выступал только в личном первенстве. Почему?

– Потому что мне не платили. После четвертого места на Олимпиаде они сказали, что Крюз старый! Мы не хотим давать на него денег. Так что мне при-

шлось платить за все из своего кармана. С одной стороны, они были правы. Я старый. Поэтому решил фехтовать просто ради забавы. Но вместе с тем я начал постоянно выигрывать, и теперь они готовы платить мне деньги. Так что начиная с этого турнира я буду участвовать в командных соревнованиях. Мы хотим попробовать отобраться на Олимпиаду как команда, и для этого я должен помочь ребятам. Я очень хорошо к ним отношусь. Мы все друзья и, надеюсь, все вместе поедем в Токио. В противном случае мне придется отбираться одному.

– У вас сильно обновился состав команды по сравнению с Рио?

– Не особенно. Эндрю Дэвис был в команде на Олимпиаде в Рио, Маркус Мепстед был запасным, Халстед на пенсии, и еще есть Пеггз. В принципе, у нас достаточно сильная команда. Но квалифицироваться на Олимпиаду в Токио все равно будет трудно. Если в топ-4 окажутся только две европейские команды плюс американцы и корейцы, то попасть практически нереально. Американцы, я уверен, обратятся. Корея под вопросом. У нас ведь очень много сильных европейских команд: Италия, Франция, Россия, мы. Если в четверке будут три из них, шанс есть. В общем, мы будем пытаться. А там посмотрим.

– Перед Олимпийскими играми в Лондоне у тебя возникли какие-то сложности с отбором в команду? Что было не так?

– На самом деле у меня не было особых проблем, но я должен был отобраться по рейтингу. Несмотря на то что в качестве страны-хозяйки Олимпиады Великобритания имела восемь гарантированных мест. Но старший тренер сказал: если не отберешься, на дорожку не выйдешь. К счастью, мне это удалось.

– А потом с вами работал российский тренер Андрей Ключин. Как вам этот опыт?

– Да, он пришел к нам после Лондона и проработал в течение трех лет. Он был очень хороший и справедливый человек. Насколько я знаю, он из Санкт-Петербурга.

– Почему он не задержался в команде? Британцы – националисты и захотели своего наставника?

– Шутите? Это никак не связано. Британцы очень толерантные люди, но, если вы начинаете давить слишком сильно с интеграцией плюс параллельно начинает расти другая культура, это вызывает отрицательную реакцию. Возмущение. Это можно видеть по референдуму относительно Brexit'a. Там ведь 50 на 50. Половина хочет остаться в Европейском союзе, другая половина хочет уйти. На самом деле проценты чуть иные – 52:48, но это не меняет

сути. Мы очень гостеприимный народ, но, на мой взгляд, мы долгое время были слишком мягкими.

– А ты за Brexit или против?

– Я за. Вот вам одна интересная история. Моя жена – кубинка. И, чтобы привезти ее в Великобританию, мне потребовалось приложить неимоверные усилия. Это было очень сложно. Нам нужно было предоставить килограмм документов. А еще ранее моей жене отказали в получении визы для посещения Великобритании. Потому что они думали, что она может сбежать.

Притом что любой житель европейской страны, включая самые бедные, такие как Румыния и Болгария, может купить билет за 35 евро и спокойно прилететь к нам. Не будет никаких вопросов: ни о твоей зарплате, ни об уровне владения английским, ни об образовании, ни о количестве денег на банковском счете. Никаких проблем с иммиграцией. А если мы откроем границы с бывшими коммунистическими странами, поток желающих еще больше увеличится. При этом мы не должны никого дискриминировать по национальному признаку. Если мы впускаем румын, значит, должны и молдаван. У нас должна быть справедливая миграционная политика.

Но это создает еще одну проблему – рынок становится перенасыщен дешевой рабочей силой. Это очень хорошо для небольшой группы британцев, на вершине пирамиды, которые делают на этом деньги. Но плохо для всех остальных – для простых работающих британцев, которым придется конкурировать с румынами, готовыми работать за 2 доллара в час на заводе. Они будут делать то, что британцы не станут. Они могут позволить себе продавать свой труд по гораздо более низкой цене. Это хорошо для румын, хорошо для богатых британцев, которые богатеют еще больше на этом, но бедные британцы становятся еще беднее. Мне это не нравится. Мне хочется сохранить нашу культуру и чтобы у нас была более справедливая экономическая система. Чтобы бедные стали немного богаче, а богатые перестали наживаться на этом.

– У нас практически такая же ситуация с представителями бывших советских республик.

– Да, я заметил. Я часто вижу у вас рабочих из Узбекистана и других бывших республик. В ограниченном количестве это хорошо. Но когда они заполняют весь рынок и лишают работы русских или британцев, это плохо. Но это очень деликатный вопрос, потому что здесь рукой подать до расизма. У нас долгое время говорили, что если ты так думаешь, то ты расист. Но это не расизм. Это вопрос того, как работает социальная система. Государ-

ство должно защищать своих граждан. Тогда это будет справедливо.

– Чем ты собираешься заниматься по завершении спортивной карьеры?

– Пока точно не знаю. Сейчас я немного подрабатываю тренером. Три раза в неделю даю уроки, чтобы зарабатывать какие-то деньги. Но что будет после Токио, еще не решил. Возможно, я поеду на Кубу работать рядом с пляжем. Посмотрим, захочу ли я стать капиталистом или буду отдыхать на пенсии.

– Слышала, что у твоего тренера уникальная фехтовальная видеокolleкция. Расскажи о ней.

– У него действительно огромная коллекция, он постоянно записывает бои. Например, у него есть видео с уроками Смирнова. Я очень прошу его поделиться видео с другими, но он не хочет выкладывать их на YouTube. Возможно, в будущем передумает. Потому что, если он умрет и унесет свои видео в могилу, будет очень печально. Это же потрясающее наследие! Он просто обязан им поделиться. Думаю, это будет полезно многим. Однако решение за ним.

(В конце беседы к нам подошел сам Земовит Войцеховский и добавил: «Я уже отдал свою коллекцию Олегу Мацейчуку, который сейчас работает с командой Японии, чтобы он перенес все записи на жесткий диск. Это были старые VHS-кассеты для видеомэгафона. Там очень интересные записи. Есть Романьков, Смирнов, Шрек, Чериони. Очень интересно их пересматривать».)

– Ты ведь тоже снимаешь видео, только не фехтовальные, а о своих путешествиях. Что ты планируешь с ними делать – продать National Geographic или BBC?

– Не думаю. На BBC не любят шутки. А у меня очень много шуток в моих фильмах. У нас в стране можно только рассказывать о том, что ты видишь, и исключительно в положительном ключе. А я люблю черный юмор, поэтому мои фильмы они не примут. Возможно, выложу их на Facebook. К тому же у нас уже есть один британец, который ездит по разным интересным местам, включая Приднестровье, общается с людьми. Можно сказать, он украл мою идею. (Смеется.)

– Вы можете конкурировать друг с другом.

– Нет, я не хочу быть известным. Сейчас практически каждый человек в мире этого хочет. Но это может быть опасно, если все знают, кто вы. Одна проблема – и вы на первых полосах газет. Я этого не хочу. Я хочу спокойно жить со своей семьей и снимать видео для них и моих друзей. Я был во множестве разных мест начиная с Кубы, заканчивая Кореей и Приднестровьем. Мы побывали там вместе с Эн-

дрию Джеймсом Дэвисом. Русская армия нам не обрадовалась. Спросили: «Почему вы здесь? Почему снимаете?» Пришлось удалить некоторые записи. Но все равно это очень интересно, мне нравится узнавать новое. И при этом я не хочу проблем.

– Расскажи о своих поездках по России. Где ты успел побывать за последнее время?

– Знаете, где я был два дня назад? В Калининграде. У меня однократная виза для посещения России. Но если сначала приехать в Калининград, то потом спокойно можно лететь на турнир в Санкт-Петербург, потому что это будет внутренний рейс. Я там был три дня, посмотрел город. Он очень красивый. Я рад, что мне удалось там побывать. А в следующем году планирую посетить Уфу. Получится как раз по пути на этап Кубка мира в Шанхае. Это

поможет мне не только хорошо подготовиться, но и лучше акклиматизироваться.

– Так же, как в прошлом году? Ты вроде готовился в одной из наших бывших республик?

– Отчасти. Я посетил Алматы, потом на маршрутке отправился в Кыргызстан, в Бишкек. Я хотел пофехтовать, но, к сожалению, там не было клуба. Поэтому только бегал и сражался со стулом в номере гостиницы. Зато увидел новые места. Там очень красивые горы, и можно было немного попрактиковаться в русском языке. Мне это очень нравится, потому что в будущем у меня не будет возможности так много путешествовать. Надо пытаться все успеть сейчас. Тем более что если мы с женой решим завести детей, то им потребуется все мое внимание, и много уже не поездишь.

– **Слышала, что тебя также заинтересовала высокогорная подготовка. Это так?**

– Это был эксперимент, но очень интересный. Я всегда очень хотел попробовать, каково это – тренироваться на высоте. Оказалось, сложно. Мы были на высоте 2500 м над уровнем моря. На протяжении трех дней у тебя постоянно болит голова. Идет кровь из носа, потому что воздух сухой. И очень сложно дышать. Не знаю, решусь ли еще раз это повторить. Но мне было безумно интересно попробовать. К сожалению, потом я травмировал колено и не смог выступить на соревнованиях. Поэтому не могу оценить результат тренировок. Но, например, в легкой атлетике и других видах спорта постоянно экспериментируют с высотой. Взять Мо Фару – бегуна на 1000 и 5000 м, сейчас еще и марафонца. Он тоже тренируется на высоте. И таким образом увеличивает количество эритроцитов в крови. Но в фехтовании практически нет исследований на эту тему.

– **Вернемся к путешествиям – как насчет экстрима? Ты планировал посетить Северную Корею. Удалось?**

– Да, я туда съездил после чемпионата мира в прошлом году. После того как выиграл «серебро» в Уси, на следующий день полетел на границу, в город Дандун. Одну ночь провел там и заказал тур в Северную Корею на два с половиной дня. Это оказалось очень дорого. Но я посетил столицу Пхеньян, посмотрел страну. Все снимал. Так что я доволен. Еще был в Косово в 2015 году вместе Эндри Дэвисом. Был в Албании, на Украине, на Кубе. Моя жена кубинка, так что я там часто бываю. А знаете, куда мы собираемся после Будапешта? В Чернобыль. Сначала доберемся до Киева, оттуда уже возьмем тур до Припяти.

– **Радиации не боитесь?**

– Нет, у нас будут специальные приборы для измерения. В крайнем случае вырастет еще одна рука или третий глаз. (Смеется.)

– **Ты сказал, что твоя жена кубинка. Как вы познакомились?**

– Совершенно случайно. Мы отдыхали на Кубе вместе с Тофалидисом. А он очень любит поболтать с людьми. В один из дней он начал общаться с кубинскими девушками у бассейна, договорился встретиться вечером и выпить по коктейлю. Моя будущая жена была среди них. Так что благодаря ему я теперь счастливо женат.

– **Она как-то связана с фехтованием?**

– Нет, только через меня.

– **Но сейчас понимает, что ты делаешь?**

– Нет, не думаю. Мы называем своих жен фехто-

вальными вдовами, как раз из-за того, что они никак не связаны с фехтованием. При этом на Кубе фехтование имеет очень хорошие традиции. Когда я там был и прохожие видели меня с фехтовальным чехлом, они понимали, кто я. Они знали бывших кубинских чемпионов в этом виде спорта. Это же бывшая коммунистическая страна, где продвигали бокс, фехтование и борьбу. А в Британии это скорее субкультура.

– **Ты был очень недоволен тем, что фехтование теряет свои корни, имея в виду бои на мечах. Что сейчас думаешь по этому поводу?**

– Сейчас ситуация стала немного лучше. Изменилось судейство. Потому что, если бы мы еще отпустили всю эту историю, поединок превратился бы в комедию. Вы не можете так фехтовать в реальном мире. Вас очень быстро убьют. Мне кажется, что в фехтовании должен сохраняться характер боевого искусства. Надеюсь, оно сумеет сохранить свое место в олимпийской программе именно в таком качестве. Нет, правда, вы подумайте: какой соперник в реальном мире будет дожидаться, когда вы его уколете, чтобы парировать ваш укол и нанести свой? В каких еще боевых видах спорта вы ждете, когда ударят вас, чтобы ударить самому? Ни в каких.

– **Как насчет понятности и привлекательности для зрителя?**

– Это проблема всех боевых видов спорта. Вы должны знать правила, чтобы понимать, что происходит. Без этого вы не разберетесь даже с борьбой. Просто не оцените, что делают спортсмены. Даже для фехтовальщиков бывает проблемой смотреть за тем, что происходит на дорожке. Что же говорить об остальной аудитории?

Но мы не сможем сделать наш спорт понятнее и при этом сохранить его уникальный характер. Если кому-то не нравятся шахматы, как бы вы ни заставляли доску сиять разноцветными огоньками, он все равно их не полюбит. Так же и фехтование. Нам просто нужно признать, что это не очень популярный вид спорта. Нам не нужно менять характер фехтования, чтобы привлечь идиотов с улицы сияющими лампочками. Хотя один журналист как-то сказал мне: «Я знаю, как сделать фехтование популярным». Я его спросил: «И как?» Он ответил: «Фехтуйте по-настоящему. Сделайте клинки острыми и жесткими. Тогда все будут смотреть». И он прав.

– **То есть до первой крови или первой смерти?**

– Либо – либо. Тогда действительно все будет смотреть. Только я в это не играю. (Смеется.) Это как в боксе, там же все по-настоящему. Есть кровь, есть и смерть. Но это будет уже другой вид спорта.

СЕСИЛИЯ БЕРДЕР CESILIA BERDER

- Франция, 29 лет.
- Саблистка, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2008 года.
- Участница одной Олимпиады: 2016.
- Чемпионка мира – 2018 в команде.
- Серебряный (2015) и бронзовый (2017) призер ЧМ в личном первенстве.
- Серебряный (2009, 2014, 2019) и бронзовый (2010, 2017) призер ЧМ в команде.
- Многократный призер ЧЕ.
- 3 победы на этапах Кубка мира, одно «серебро» и 5 «бронз» – на турнирах серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 2-е место (2017).

СЕСИЛИЯ БЕРДЕР ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Мила Волкова

Сесилия Бердер родилась в спортивной семье, и, хотя никто из ее родных не был спортсменом высокого уровня, любовь к спорту оказалась в крови у подвижной девочки и привела ее в фехтование. После школы она стала тренироваться в орлеанском центре для перспективных молодых спортсменов, а сейчас является серебряным и бронзовым призером чемпионатов мира и незаменимым командным бойцом.

– Сесилия, слышала, что помимо фехтования тебя также привлекает карьера журналиста. Это правда?

– Да, я уже работаю на радио в качестве журналиста. Дело в том, что у нас фехтование и спорт – это не профессия. Нужно еще и деньги зарабатывать. А журналистика позволяет мне успешно совмещать тренировки с работой. И вообще я безумный фанат радио. Мне очень нравится рассказывать истории. И, конечно, я фанат спорта. На радио все это делать проще, чем на телевидении. Ты можешь быть одета хоть в пижаму и тапочки. (Улыбается.) Также не имеет значения, насколько ты красива. Главное – это умение интересно и хорошо говорить и приятный голос. Вы можете в этот момент ехать в машине или что-то готовить на кухне, но, если у вас есть свободная минутка, чтобы меня послушать, я с радостью расскажу вам о спорте.

– Ты рассказываешь только о фехтовании или еще о каких-то других видах спорта?

– В этом году рассказывала обо всех летних олимпийских видах спорта. Как вы знаете, в 2024 году Олимпийские игры пройдут в Париже, и я рассказывала слушателям о том, что такое борьба, фехтование, спортивная гимнастика. Попыталась объяснить нюансы каждого из этих видов.

– А в каком качестве ты собираешься на Олимпийские игры в Париже – как фехтовальщица или как журналист?

– Это отличный вопрос, и у меня на него пока нет ответа. В 2024-м мне будет уже 33 года и, возможно, я буду уже слишком старой, или, наоборот, у меня будет отличная форма на тот момент. Кто знает? Каждый день я задаю себе этот вопрос, пока не могу на него ответить.

– Во всяком случае, сейчас мы видим на дорожке достаточно успешных возрастных спортсменов и спортсменов: Софья Великая, Мариэль Загунис, Альдо Монтано и другие. И они не думают о возрасте.

– Абсолютно согласна. Загунис и Великая очень сильные, плюс ко всему они еще и фехтовальные мамы. Потрясающие спортсменки! Честно говоря, я не могу представить, как им удастся успешно сочетать материнство и спортивную карьеру. Они сумасшедшие, абсолютно фантастические. Это вдохновляет.

– А как ты впервые познакомилась с фехтованием?

– Я начала заниматься фехтованием в семь лет, то есть 22 года назад. А выбор сделала моя мама. Я очень хотела заниматься альпинизмом, но в клубе не было мест. И она сказала: «Я видела фехтование в программе Олимпийских игр 1996 года. На мой взгляд, это хороший вид спорта. Достаточно современный, возможно, тебе он понравится». Поскольку мне тогда

было всего 7 лет, я даже не знала о том, что такое фехтование. Попробовала. Сначала минут 5 подержала в руках рапиру, и мне не понравилась. Она показалась мне слишком медленной. Тогда маэстро пригласил меня пройти с ним в другой зал, где были одни мальчишки. И сказал: «Это сабля. Она совершенно другая. Попробуй!» Я попробовала и, как видите, до сих пор еду в этом поезде.

Это фантастический вид спорта. Жесткий, агрессивный. При этом ты должен не только обладать сильными ногами, но и быть ментально развитым. Я просто без ума от сабли. Когда фехтуешь с лучшими спортсменами на соревнованиях, приходится держать в голове множество задач, контролировать дыхание, пульс. Да и на тренировках пытаюсь каждый день найти что-то новое в технике, приготовить новую ловушку сопернику, чтобы потом заработать очко. И мне это безумно нравится.

– Читала, что вначале ты фехтовала исключительно с мальчиками. Как долго это длилось?

– В течение трех лет. В 2000 году в мой клуб в Кемпере наконец пришли девочки. Тренировки стали другими, но не менее интересными.

– Как насчет уровня – девочки были конкурентоспособными или соперничество с мальчиками тебе давало больше возможностей для роста?

– Конечно, для меня было гораздо лучше фехтовать с мальчиками. Когда я ездила на соревнования в Париж, там было много девочек одного со мной уровня. Но там, где я жила, в Бретани, спарринги с мальчиками были предпочтительнее. Они всегда думали: «Кто эта девочка? Она пытается меня победить, нужно срочно что-то предпринять». Было очень интересно с ними соперничать. Придумывать, как обыграть. И это помогало мне быстрее расти как спортсменке.

– А сейчас ты фехтуешь с мужчинами на тренировках?

– Бывает. У нас есть большая фехтовальная группа в INSEP. Но французская команда очень сильна. Приходится подбирать спортсменов помедленнее, чтобы иметь возможность их победить. И, конечно, самой приходится быть очень сильной, придумывать, на чем можно их поймать. Это очень интересно как физически, так и технически – фехтовать с мужчинами.

– В то же время мужчины могут достаточно больно тебя «побить»... Удары-то у них сильнее.

– Если они достаточно умны, все будет нормально. Они также могут оттачивать на мне какие-то технические приемы, которые у них не получаются друг с другом.

– Расскажи, пожалуйста, про свой лучший и худший турниры.

– Лучший турнир для меня – это командные соревнования на чемпионате мира 2018 года. Мы выиграли тот турнир, стали чемпионками мира. К тому же мне гораздо больше нравится фехтовать в команде, потому что, когда ты наносишь укол, за тебя все радуются.

А худший турнир – это выступление на Олимпийских играх в Рио. В командном первенстве мы уступили итальянкам в четвертьфинале. Очень много работали и были достаточно сильны, но, несмотря на это, все равно проиграли. Мы мечтали об Олимпиаде четыре года, а провели на дорожке всего по пять минут. Но что делать, таковы Олимпийские игры. Если ты проиграл, то сразу вылетаешь. С одной стороны, от Рио у нас прекрасные воспоминания, потому что мы смогли туда попасть, а с другой – очень грустные. Плюс ко всему я и в личных осталась без медали, закончила на пятом месте. Тогда думала: «Я шла к этому четыре года, и вот теперь все кончено. Медалей нет. Что же мне делать дальше?»

– Получается, ты считаешь себя больше командным игроком, чем индивидуалистом?

– Да, я больше командный игрок. В командных соревнованиях мне гораздо проще найти мотивацию. Если я не очень хорошо выступаю, то все равно могу быть уверена, что мои подруги по команде сделают все как надо. Безусловно, здорово выиграть этап Кубка мира или чемпионат в личном первенстве, но когда ты наносишь финальный укол и ваша команда побеждает, то вместе с тобой радуются еще три девочки и вся команда тренеров. Все эмоции как бы умножаются на четыре. Это совершенно иное чувство. Хотя при этом гораздо больше давления, потому что от тебя зависит не только твое будущее, но и других девушек. Но, когда ты побеждаешь, это непередаваемо.

– Какое у тебя спортивное кредо?

– Играть, дышать и улыбаться. Это самое главное. Каждый раз пытаюсь это осуществить на всех соревнованиях. Возможно, я проиграю, возможно, выиграю. Я не доктор, у меня не такая серьезная работа, поэтому хочу наслаждаться игрой и улыбаться. Тогда все будет отлично. Бывает, я так напряжена, что забываю дышать. Тогда говорю себе: «Давай, Сесилия. Ты сделала вдох? Нет, забыла. Дыши и наноси удары, получай удовольствие».

– А ты используешь какие-либо упражнения из других видов спорта?

– Да, конечно. Например, теннис – очень умный вид спорта. За теннисистами очень интересно наблюдать даже в перерывах. Они могут либо просто сидеть отдыхать, либо бегать. А в борьбе и тхэквондо

фантастическая работа ног. Мне нравятся многие виды спорта, и я стараюсь взять что-то полезное из каждого. За боксерами тоже очень интересно наблюдать, как они готовят ловушки соперникам и наносят удары. И когда я делаю интервью со спортсменами, всегда прошу их дать мне какой-то совет как спортсменке и как журналисту.

– У тебя есть кумиры в фехтовании или каких-то других видах спорта?

– В фехтовании – очень много. Если говорить о других видах спорта, то мне нравится прыгунья в высоту Бланка Влашич. Она всегда улыбается перед прыжком. Даже на Олимпийских играх. Получает такое удовольствие от своего спорта, что это сильно подкупает. Еще мне нравятся теннисист Рафаэль Надаль и биатлонист Мартен Фуркад.

– А ты встречалась по работе с Фуркадом?

– Я знаю его, но интервью не брала. Потому что в этом году я освещаю только летние виды спорта. Но он один из моих любимых атлетов, как, впрочем, и все французские спортсмены.

– Знаю, что у тебя очень спортивная семья: твои братья, твои мама и папа – все занимаются или занимались спортом.

– Они занимаются, но не спортом высших достижений. Они играют в футбол и гандбол на региональном уровне и не входят в национальные сборные. (Кроме того, родители Сесилии открыли ресторан, который в ее честь назвали «Сабля». – МВ)

– Но при этом вы все умудрялись конкурировать между собой. Как это возможно?

– Это было в детстве. Поскольку у меня два брата, я росла не совсем девочкой. Мне приходилось быть для них еще одним братом, с которым можно погонять мяч. Быть хорошим соперником. Так что в детстве я должна была много над собой работать. Потому что они постоянно кричали: «Давай, давай, беги быстрее, еще быстрее!» Но это было здорово – расти с такими братьями.

– Мужчина в личной жизни тебе такой же нужен?

– Он у меня уже есть. Отличный парень и, кстати, абсолютно спокойный в отличие от моих братьев. Живет без лишних волнений, наслаждается жизнью. Он и мне всегда говорит: «Наслаждайся работой, и все будет отлично». И никогда: «Давай, Сесилия! Вперед!» (Улыбается.) В доме и в постели мне не нужен конкурент, мне нужен человек, с которым я смогу расслабиться, с которым мне будет легко и спокойно. И он идеальный для меня человек. Как говорится, притягиваются притягиваются. После соревнований мне нужно спокойствие, и он мне его дает. ▶

АЛИЧЕ ВОЛЬПИ И ДАНИЭЛЕ ГАРОЦЦО ОЛИМПИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Мила Волкова

Аличе и Даниэле – еще одна фехтовальная пара. Были знакомы с детства, но по-настоящему их свела Олимпиада в Рио. В нашей беседе они рассказали о том, как пришли в этот вид спорта и как в один прекрасный момент посмотрели друг другу в глаза.

ДАНИЕЛЕ ГАРОЦЦО DANIELE GAROZZO

- Италия, 27 лет.
- Рапирист, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2015 года.
- Участник одной Олимпиады: 2016.
- Олимпийский чемпион – 2016 в личном первенстве.
- Трехкратный чемпион мира в команде: 2015, 2017, 2018.
- Бронзовый призер ЧМ в личном первенстве (2017) и в команде (2019).
- Чемпион Европы – 2017 в личном первенстве.
- Серебряный призер ЧЕ в личном первенстве (2015, 2018, 2019) и в команде (2016, 2018).
- Бронзовый призер ЧЕ в команде: 2017, 2019.
- Две победы на этапах Кубка мира, две «бронзы» – на турнирах серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 2-е место (2016, 2017).

АЛИЧЕ ВОЛЬПИ ALICE VOLPI

- Италия, 27 лет.
- Рапиристка, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2015 года.
- В Олимпиадах не участвовала.
- Золотой (лич.) и серебряный (ком.) призер ЧМ-2018.
- Золотой (ком.) и серебряный (лич.) призер ЧМ-2017.
- Серебряный призер ЧМ-2019 в команде.
- Золотой (ком.) и бронзовый (лич.) призер ЧЕ-2017, 2018.
- Серебряный призер ЧЕ-2016 в команде.
- Бронзовый призер ЧЕ-2019 в личном первенстве и в команде.
- Золотой (лич.) и бронзовый (ком.) призер I Европейских игр.
- Одна победа на этапе Кубка мира, две – на турнирах серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 2-е место (2018, 2019).

– Даниэле, ты родился на Сицилии. Я удивилась, узнав, что там дела с рапирой обстоят неважно. Как такое может быть?

Д.Г.: И тем не менее это так. У нас в команде всего двое рапиристов с Сицилии: я и Джорджио Авола. Не знаю почему, но там не очень развито рапирное фехтование, нет спортсменов высокого уровня. И для того, чтобы повышать свой уровень, нам обоим приходилось ездить в другие регионы Италии. Сейчас я тренируюсь в Frascati – это лучший клуб не только в Италии, но и, возможно, в мире. Он находится в пригороде Рима. Мой тренер Фабио Галли тоже оттуда.

– Тогда почему ты выбрал именно рапиру?

Д.Г.: Потому что у меня лучше получалось фехтовать на рапире. Когда друг нашей семьи открыл неподалеку фехтовальный клуб, мы с Энрико начали туда ходить. При этом моему брату лучше давалась шпага, а мне рапира. Я недолго прозанимался в том клубе. Потом отцу пришлось возить меня после работы в Сиракузы, так как в нашем клубе рапиристов не осталось, а там была группа неплохих спортсменов. Брату повезло: шпажистов рядом с нами было гораздо больше. Одним словом, мне было непросто достичь высокого уровня. Моей семье пришлось многим пожертвовать для того, чтобы это стало реальностью. Я ей очень благодарен. Мои родители – два самых больших моих фаната. Хотя они и не особо разбираются в фехтовании. Отец до сих пор кричит каждый раз, когда у меня зажигается фонарь. Но при этом он не понимает, укол мне или моему сопернику.

– Насколько вы с братом похожи?

Д.Г.: Вообще не похожи. Он собранный и спокойный. Никогда ничего не забывает – например, позвонить маме три раза в день. И в комнате у него все всегда на своих местах. А я не придаю этому такого значения. Я более рассеянный, легко могу забыть позвонить и маме, и Аличе. Дома у меня обычно беспорядок – разбросаны книги и вещи. Так что мы очень разные с Энрико.

– Аличе, а как ты начала заниматься фехтованием?

А.В.: Все благодаря отцу. Он был страстным поклонником этого вида спорта, но сам не имел возможности фехтовать. В семь лет он отвел меня попробовать, и мне сразу понравилось. Я была в восторге от белых костюмов, появилось много друзей.

– Ты тренируешься в том же клубе, что и Даниэле?

А.В.: У меня два клуба: Frascati и Jesi. В Frascati, который находится недалеко от Рима, я больше

фехтую, в то время как в Jesi в городке Ези работает мой тренер по физической подготовке. Плюс в Jesi я даю уроки малышам во второй половине дня. А до этого одиннадцать лет занималась в Сиене, где родилась и выросла.

– Вы соперничаете друг с другом: кто сильнее, кто более титулованный?

Д.Г.: Нет, у нас хватает соперников и без этого. Я не соперничаю ни с Аличе, ни с братом. С Энрико нам вдвойне повезло, потому что у нас разные виды оружия. Мы не соревнуемся, а только поддерживаем друг друга и радуемся взаимным успехам. То же самое и с Аличе.

А.В.: Нет. Но, когда Даниэле хорошо выступает на каком-то турнире, я тоже стремлюсь показать хороший результат.

– О чем оба мечтаете в спортивном плане?

А.В.: Хочу отобраться на Олимпийские игры и победить. Для этого я очень много работаю.

Д.Г.: А я хочу стать чемпионом мира, а потом снова выиграть Олимпиаду сначала в личном турнире, потом в командном.

– То есть, выражаясь теннисным языком, собрать «Большой шлем»?

Д.Г.: Да, было бы неплохо. Эта идея меня вдохновляет. Тогда в моей копилке будут все три главных титула: чемпион Европы, чемпион мира и чемпион Олимпийских игр.

– Большинство спортсменов не сразу приходят к званию олимпийского чемпиона, а ты фактически с этого начал, как и саблист Аарон Силади на Играх в Лондоне. Как так получилось?

Д.Г.: Да, в этом мы с ним похожи. Оба показали максимальный результат на Олимпийских играх, а уже потом начали выигрывать этапы Кубка мира. На мой взгляд, Олимпиада – это турнир для молодых спортсменов. Когда ты молод, не особенно задумываешься о важности этих соревнований. Поэтому чувствуешь себя более свободным. Многие спортсмены приезжают на Олимпиаду, имея годы тренировок за плечами и множество достижений в активе. Будучи, например, чемпионами мира или Европы. Они постоянно думают о том, что, возможно, это их последний шанс стать олимпийскими чемпионами, и это им сильно мешает.

А я чувствовал себя абсолютно свободным. Мне было всего 23. Я знал, что могу еще долго продолжать фехтовать.

– В Токио будет сложнее?

Д.Г.: Определенно. Но до этого мне еще необходимо обратиться на Олимпийские игры. Тоже непростая задача, так как у нас очень высокая конкуренция как на европейском уровне, так и непосредственно в самой команде. Но если я туда попаду, то постараюсь быть таким же, как и четыре года назад.

– Читала, что для тебя важны лишь чемпионаты Европы, мира и Олимпийские игры. А результаты на этапах Кубка мира и Гран-при не столь принципиальны. Это правда?

Д.Г.: – Не совсем так. Олимпийские игры, чемпионат мира и чемпионат Европы – это три турнира, которые могут полностью изменить карьеру. И, естественно, ты гораздо серьезнее к ним относишься и сильнее фокусируешься на том, чтобы показать результат именно там. Все остальные старты нужны для того, чтобы оттачивать свое мастерство и чувствовать себя более уверенно, но победы на них никак не меняют твою жизнь. Мне нравится побеждать на них, но это не настолько принципиально. Хотя в предстоящем сезоне они будут также важны, потому что у нас идет отбор на Олимпиаду.

– Та победа в Рио как-то изменила тебя?

Д.Г.: Честно говоря, моя жизнь осталась практически прежней. Я продолжаю точно так же работать каждый день, как делал это до Рио. Единственное, это «золото» делает меня более счастливым, а работу – более радостной.

– Ты предполагал в детстве, что будешь таким успешным?

Д.Г.: Я надеялся. Никогда ничего не планировал, просто очень много работал и мечтал о том, что, возможно, однажды стану олимпийским чемпионом. И моя мечта сбылась.

– Аличе, а тебя как-то изменила победа на чемпионате мира в Уси?

А.В.: Нет. Это был фантастический день, но это лишь первый значимый шаг в моей карьере. Надеюсь, мне удастся выиграть еще не один турнир. Единственное, что мне дала та победа, – уверенность в своих силах. И, конечно, сделала более счастливой. К сожалению, у меня не получилось повторить успех на чемпионате мира в Будапеште. Этот сезон у меня не задался. Но рада

тому, что смогла реабилитироваться в команде. Я хорошо фехтовала, и в итоге мы уезжаем не с пустыми руками.

– Даниэле дает тебе какие-то советы?

А.В.: Да, он отлично меня мотивирует и часто дает дельные советы. Он прекрасный фехтовальщик и очень много работает, у меня это не всегда получается.

– Ты можешь назвать переломный момент в своей карьере? Когда ты почувствовала, что готова бороться со всеми без исключения?

А.В.: Думаю, что это был переезд в Ези. Мой клуб в Сиене дал мне очень много. Он вырастил меня как спортсменку, но именно начало работы с Джованной Триллини и Анналисой Колтори стало переломным моментом. Они обе сильно изменили меня. Сейчас мы как одна большая семья, даже иногда вместе отмечаем Пасху.

– Что важнее: быть сильным или верить в то, что ты сильный?

Д.Г.: И то и другое. Если ты просто веришь в то, что сильный, но таковым не являешься, ничего не добьешься. И, наоборот, если ты не веришь в свои силы, даже будучи очень сильным и талантливым, не преуспеешь.

– Вы были знакомы на протяжении многих лет, но начали встречаться только после Рио. Это было еще одно олимпийское чудо?

Д.Г.: Очень долгое время мы были просто друзьями, но внезапно осознали, что гораздо ближе друг другу, чем просто друзья. Во всяком случае, мне удалось убедить в этом Аличе. Мы очень хорошо понимаем друг друга, и не только потому, что занимаемся одним делом.

А.В.: Да, раньше мы были хорошими друзьями и постоянно пересекались на фехтовании. Мне повезло: меня взяли на Олимпийские игры в Рио в качестве спарринг-партнера для Арианны Эрриго и Элизы Ди Франчески. И там мы с Даниэле сблизились и лучше узнали друг друга. Да, это можно назвать олимпийским чудом.

– Вы оба учитесь в институте. И оба выбрали интересные направления, совсем не связанные со спортом. Расскажите об этом подробнее.

А.В.: Я изучаю в институте социальную политику. Эта специальность мне подходит, потому что помимо фехтования я еще работаю в полиции. Но пока ближайшее будущее вижу только в фехтовании. Моя основная цель – Олимпиада в Рио.

Д.Г.: А я уже шестой год учусь на врача. Пока это

базовый курс. Как только его закончу, нужно будет выбирать специализацию. Я бы хотел быть сосудистым хирургом. Надеюсь на этом поприще преуспеть не меньше, чем в качестве спортсмена.

– Во всяком случае, точность тебе гарантирована.

Д.Г.: Да, у меня хорошая рука. (Смеется.) Я мечтал об этом с самого детства, потому что мой отец врач. Он никогда не подталкивал меня к этому решению, но, видимо, что-то передалось. Что-то общее у нас в крови. Когда ты видишь своего отца за работой, тоже хочешь научиться тому, что он делает. Он не хирург. Он выполняет клиническую часть, которая предшествует хирургии. То есть занимается диагностикой, проводит необходимые процедуры и так далее. Возможно, в будущем у нас будет своя клиника.

– Вы говорите дома о фехтовании? И как проводите свободное время?

Д.Г.: В основном говорю я, Аличе не очень любит распространяться на эту тему.

А.В.: Есть много интересных тем помимо фехтования. Нам нравится проводить время с друзьями, ходить в кино. Иногда мы смотрим другие виды спорта. Например, теннис или футбол.

– Кстати, о футболе. Даниэле, у тебя ведь украли олимпийскую медаль как раз в тот момент, когда ты ехал на матч «Ювентуса»...

Д.Г.: Да, я ехал в поезде с медалью на матч. «Ювентус» пригласил меня в качестве специального гостя и попросил привезти ее, чтобы сделать фото, показать игрокам. К сожалению, кто-то ее украл. Но мне повезло, потому что потом пропажу нашли и вернули.

А.В.: Да, это был плохой день. Я старалась поддерживать Даниэле: в конце концов, это просто вещь. Главное – он выиграл Олимпийские игры, и это уже никто украдет. К счастью, медаль вернули.

– А ты когда-нибудь думал о том, чтобы самому стать футболистом?

Д.Г.: Конечно, раньше я много играл в футбол. В детстве занимался двумя видами спорта: футболом и фехтованием. Но потом пришлось выбирать, и, на мой взгляд, я сделал правильный выбор. Думаю, что всем итальянцам в какой-то момент приходится выбирать между футболом и чем-то еще. (Улыбается.)

– Если бы вы могли что-то изменить в фехтовании, что бы это было?

А.В.: Ничего. Мне очень нравится этот вид спорта. Единственное, что бы мне хотелось, это больше зри-

телей на трибунах во время соревнований. И, возможно, стоит перенести финалы на отдельный день.

Д.Г.: Я бы много что поменял. Например, организацию соревнований. Главное – это действительно недостаток зрителей. Только в Париже турнир всегда организуют так, что приходит много болельщиков. Значит, это возможно сделать и в других местах. Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось.

– У вас есть своя спортивная философия?

Д.Г.: Последнее время я просто стараюсь каждый раз выдавать максимум того, что могу. Вне зависимости от результата. У меня бывают некоторые проблемы с концентрацией. И я работаю над тем, чтобы это случалось как можно реже. Занимаюсь с психологом. Эту работу можно назвать путешествием. Необходимо время, для того чтобы научиться многим вещам. И даже когда тебе кажется, что ты наконец чему-то научился, ты можешь продолжать проигрывать. Главное – не отчаиваться и продолжать работать дальше.

А.В.: Для меня очень важна стабильность во всех аспектах, включая отношения с Даниэле. Плюс хорошие тренировки, диета, тогда на соревнованиях я буду чувствовать себя более уверенно.

– У вас очень серьезная конкуренция в рапире – что у мужчин, что у женщин. Это помогает или мешает?

А.В.: Действительно, конкуренция очень серьезная, и есть множество сильных спортсменов. Сейчас вот еще Элиза Ди Франческа вернулась. А мест в олимпийской команде всего четыре. Это не очень хороший момент. Но это подстегивает к тому, чтобы повысить свой уровень. И у меня есть еще год, чтобы стать лучше.

Д.Г.: Да, у нас сильная команда. И нам вдвое сложнее, потому что на каждом турнире приходится конкурировать и сражаться не только с соперниками из других стран, но и с товарищами по команде. Так что в команду попасть трудно всем, особенно молодым.

– При такой конкуренции сложно заводить друзей, но мне известно, что у тебя были особые отношения с Андреа Бальдини...

Д.Г.: Бальдини для нас как живая легенда. Когда я был ребенком, он был лучшим. Я попал в национальную команду – а он продолжал оставаться сильнейшим. Для всего нашего поколения фехтовальщиков он как старший брат. Андреа – отличный человек. Мне бы хотелось, чтобы в будущем дети на меня смотрели такими же глазами, какими я в свое время смотрел на него. Чтобы я был для них таким же вдохновляющим примером для занятий фехтованием. 📖

АЛЕХАНДРА БЕНИТЕС ALEJANDRA BENITEZ

- Венесуэла, 39 лет.
- Саблистка, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2001 года.
- Участница четырех Олимпиад: 2004, 2008, 2012, 2016.
- Бронзовый призер Панамериканских чемпионатов в личном первенстве: 2008, 2013.
- Одно «золото» и одна «бронза» на этапах Кубка мира.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 15-е место (2012).
- С апреля 2013 года по январь 2014 года – министр спорта Венесуэлы.

АЛЕХАНДРА БЕНИТЕС СПОРТ И ПОЛИТИКА

Мила Волкова

Александра Бенитес – одна из ярких фехтовальщиц Венесуэлы, а также успешная женщина-политик. Она успела побывать министром спорта своей страны, не прерывая спортивной карьеры. Об этом, о поддержке Уго Чавеса и Николаса Мадуро и американских санкциях мы поговорили на этапе Гран-при «Московская сабля».

– Александра, как ты оказалась в фехтовании?

– Я начала заниматься достаточно поздно – в 14 лет. И сейчас меня спрашивают, почему я в 39 лет продолжаю фехтовать. А все потому, что слишком поздно начала – в отличие от остальных. Пришла я в этот вид спорта благодаря другу моей тети, который был тренером по фехтованию.

– А что было до того?

– В шесть лет я занималась дзюдо. Потом легкой атлетикой и прыжками в воду. Добавьте сюда пару лет классического балета. Но, честно говоря, мне не очень нравилось заниматься балетом. В результате, когда заболела, бросила его. А потом в моей жизни появилась фехтование.

– Но балетная растяжка осталась?

– Нет. В детстве у меня была хорошая растяжка, но с возрастом я ее потеряла. Пришлось заново работать над ней уже в фехтовании.

– Ты сразу взяла в руки саблю или сначала были другие виды оружия?

– Сначала я фехтовала на шпаге, потом взяла рапиру, в итоге в 1999 году перешла на саблю, попала в юниорскую команду. И в том же 1999-м нам удалось выиграть «золото» юниорского первенства мира, а в 2000-м мы были третьими. Сабля мне гораздо больше подходит по темпераменту. Шпага – для спокойных людей, а я очень активная, взрывная. (Смеется.)

– Обратила внимание, что часто любовь к фехтованию передается через семейные узы. Например, Рубен Лимардо начал им заниматься, потому что его дядя был тренером...

– Да, это действительно так. В фехтовании очень много семейных историй. Но в моем случае все-таки был не совсем семейный вариант, потому что друг моей тети мне не родственник. Зато сейчас моя племянница начала заниматься фехтованием, потому что я фехтую. Получается что-то вроде передачи эстафеты от поколения к поколению.

– Как у вас обстоят дела с тренерами в стране?

– У нас не так много возможностей для того, чтобы вырастить своих хороших тренеров. Но мы все же стараемся отправлять их учиться в другие страны. Все упирается, конечно, в финансирование. А вот у наших спортсменов практически нет возможности выезжать за границу и работать с иностранными тренерами. Работаем дома.

– Много ли девочек занимается саблей в Венесуэле? У вас есть конкуренция?

– Девочки есть, но им еще нужно набираться опыта. Нужно больше участвовать в соревнованиях. Так что конкуренция не очень высокая. Надеюсь, в будущем ситуация станет лучше.

– Но ты сама можешь себе позволить работать с иностранным специалистом и вообще думала об этом?

– Нет. Все, что я знаю и умею, меня научили венесуэльские тренеры. Хотя я периодически приезжаю в тренировочный лагерь к вам в Россию. Это далеко и дорого, но оно того стоит. Для работы с иностранными тренерами нужны дополнительные средства, а мы тренируемся и выступаем только благодаря поддержке государства. Конечно, стараемся искать еще и частных спонсоров, но это не так просто.

– Вас не расстраивает тот факт, что на юниорском уровне были медали, а на взрослом нет?

– У меня есть две медали этапов Кубка мира и еще три Панамериканских игр. В целом я не сильно расстраиваюсь. К тому же сегодняшней молодежи проще, она может заниматься исключительно фехтованием. А я в свое время должна была совмещать спорт с работой или учебой и не могла уделять тренировкам достаточное количество времени. Сейчас дела обстоят так же. У меня есть свои фонды, своя фехтовальная школа. Так что забот много. Но фехтование – это моя страсть и любовь. Мне нравится им заниматься. И я рада, что имею возможность представлять свою страну на мировой арене. Неважно, выигрываю я или проигрываю, всегда стараюсь бороться до последнего.

– Помимо фехтования ты также была моделью. Твои фото, подчас весьма откровенные, как-то подстегнули интерес в стране к этому виду спорта?

– Не знаю, как насчет интереса к фехтованию, но они точно удивили многих. Люди привыкли к тому, что спортсмены занимаются только спортом. А я была не только спортсменкой, но еще и моделью, плюс у меня был интерес к политике. Сначала, конечно, был только спорт, а уже потом появилось все остальное. Вот когда я пришла в политику и всплыли все эти фотографии, они мне добавили популярности.

– Почему политика? Ведь ты училась на стоматолога...

– Это правда. Училась на стоматолога, но в 1999 году я познакомилась с Уго Чавесом. Потом меня избрали руководителем комитета спортсменов Венесуэлы. Мы занимались созданием спортивной законодательной базы. В результате я стала главным представителем спортсменов перед президентом Венесуэлы. Однажды Уго Чавес лично позвонил мне и предложил стать депутатом. В этом качестве

я проработала шесть лет и продолжала заниматься разработкой законов для спорта. А затем пришедший к власти Николас Мадуро назначил меня министром спорта.

– При этом противники часто обвиняли тебя в том, что ты не имеешь необходимого опыта для этой должности. Получается, они ошибались?

– Люди не понимали, почему меня сделали министром спорта. Они думали: это исключительно из-за того, что я красивая и спортсменка. У нас вообще не очень хорошо относятся к женщинам-политикам. В этой области очень много мачизма. Принято считать, что это исключительно мужское занятие. Когда девушка появляется в политике, ее постоянно обвиняют в том, что она не очень умна. И лишь небольшое количество людей знают, что я стала министром спорта исключительно потому, что сама писала законы в этой сфере.

– Автором каких законов ты являешься?

– Один из важнейших законов был посвящен созданию специального фонда, в который все венесуэльские компании должны были отчислять 1 % от своего дохода. Эти деньги мы положили на специальный счет в банке. Из них оплачивали организацию соревнований, продвижение спорта в стране и другие спортивные мероприятия. Еще один закон касался помощи спортсменам из национальной сборной. Кому-то мы давали стипендию, кому-то оплачивали проживание или образование в другой стране, кому-то покупали машину.

– А сейчас этот закон остался? Часто с уходом министра уходят и законы.

– Да, закон остался. Это очень важная социальная помощь для спортсменов.

– Макс Хартунг сейчас борется за то, чтобы атлеты получали 25 % доходов от Олимпиады. Как вам такая идея?

– Хорошая идея, но сумма слишком велика. К тому же у Олимпийского комитета достаточно расходов по организации разного рода соревнований и поддержке международных федераций. Возможно, ему удастся чего-то добиться, потому что Томас Бах сам в прошлом фехтовальщик. Но 25 % – это слишком много.

Когда я начала заниматься спортивным законодательством Венесуэлы, я также боролась за то, чтобы получить какие-то проценты от компаний с их дохода. У нас шли очень жесткие переговоры. Сначала мы просили 2 %, но они нам отказали. Тогда мы снизили эту сумму до 1 %, но и тогда переговоры едва не зашли в тупик. Потому что компании

хотели инвестировать в известные и прибыльные виды спорта, такие как футбол, баскетбол, бейсбол, им были неинтересны остальные виды. А наш фонд создавался как раз для поддержки маленьких федераций, которые не очень популярны. В итоге нам удалось договориться, что на поддержку футбола, бейсбола и баскетбола пойдет 0,005 %, а остальное на фехтование, карате и другие виды спорта.

– Популярные виды спорта сами могут о себе позаботиться.

– Правильно. Но компании очень хитрые. Они хотят видеть свои логотипы во время трансляций крупных турниров, которые смотрят все. А до маленьких, которые никто не смотрит, им дела не было. Борьба была очень трудной. Нашему закону не хотели давать зеленый свет именно из-за этого пункта. Было очень много давления со стороны топ-компаний. В критический момент мне позвонил Чавес и сказал: «Ты должна продолжать бороться и выбить хороший процент от компаний для спорта». И нам удалось. Этот пункт был самым важным в законе, поэтому я так много о нем говорю. Договорившись по нему, мы получили одобрение всего закона.

– Сейчас ты продолжаешь заниматься политикой или переключилась исключительно на фехтование?

– Продолжаю. Я не только фехтую, но и работаю в главной национальной партии. Конечно, в моей жизни гораздо больше спорта сейчас. Но и от политики я не могу отказаться. Один раз попав в нее, ты останешься там до конца.

САНДРО БАЗАДЗЕ SANDRO BAZADZE

- Грузия, 26 лет.
- Саблист, фехтует правой рукой.
- За национальную сборную выступает с 2009 года.
- Участник одной Олимпиады: 2016.
- Трехкратный бронзовый призер ЧЕ в личном первенстве: 2017, 2018, 2019.
- Чемпион Европы – 2013 среди юниоров.
- Чемпион Европы – 2014, 2016 среди спортсменов до 23 лет.
- Одно «серебро» на этапе Кубка мира, одна «бронза» – на турнире серии Гран-при.
- Лучший результат в зачете Кубка мира: 9-е место (2019).

САНДРО БАЗАДЗЕ СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

Мила Волкова

Шесть лет назад он стал первым грузином, который выиграл юниорское первенство Европы. Затем дважды, в 2014 и 2016 годах, Sandro побеждал на молодежных чемпионатах континента. А сейчас в его активе уже три «бронзы» взрослых европейских чемпионатов и поддержка всей страны.

– Sandro, у тебя фехтовальная династия, то есть твой выбор, кем быть, был предрешен изначально?

– Да, папа, родной брат и двоюродные братья тоже фехтуют. Очень много родственников занимаются этим видом спорта. И я пришел потому, что увидел, как это делает мой брат. Изначально-то занимался футболом, но потом мне понравилось фехтование, и я захотел стать фехтовальщиком.

– Ты сразу начал с сабли?

– Да. Знаю, что многие начинают с рапиры, но у меня сразу была только сабля. Потому что и брат, и папа саблисты. К тому же мне больше других понравился именно этот вид оружия.

– Соответствовал темпераменту?

– И по этой причине тоже. Сабля более яркая и скоростная.

– Твоя эмоциональность помогает в фехтовании или мешает?

– Помогает скорее характер, а эмоции нужно контролировать. Перед началом встречи я обычно немного волнуюсь, но думаю, что такие эмоции испытывает каждый спортсмен перед поединком. А когда выхожу на дорожку, то волнение уходит. После первого удара начисто об этом забываю. Конечно, равный счет ближе к завершению матча тоже добавляет нервозности. В прошлом году в Сербии мы долго не могли разыграть решающий удар в четвертьфинале с Лукой Куратоли. В итоге мне удалось его нанести и стать бронзовым призером. Кстати, даже при таком счете в концовке матча я не боюсь делать рискованные приемы. Это тоже свойство характера. Буду выходить и делать, пока не получится.

– А первую европейскую «бронзу» ты выиграл на домашней арене в Тбилиси. Расскажи, сколько вы отмечали эту медаль?

– Наверное, неделю. (Смеется.) Для нас это было значимое событие, потому что страна маленькая и такие вещи не проходят незамеченными. Тем более что мои соотечественники обожают спортсменов. Поэтому и поддерживали активно, и отмечали потом тоже хорошо. И для меня их поддержка очень много значит. Во время турнира она мне очень сильно помогала.

– Тогда в Токио вам тоже стоит их взять...

– Мы планируем – человек сто. Пол-Грузии, одним словом. (Смеется.)

– Сейчас у тебя уже три «бронзы». Что дальше?

– Теперь очень хочу «золото» и настраиваюсь только на него. Сколько можно становиться бронзовым? Пора сделать шаг вперед.

– У тебя есть своя фехтовальная философия, то, что тобою движет?

– У меня с детства всегда было огромное желание всем доказать, что я лучше и сильнее. Это всегда стимулировало идти вперед и не сдаваться. И мои результаты говорят за себя. Но, надеюсь, самые значимые еще впереди. И это желание сделать что-то лучше, чем другие, у меня не только в фехтовании проявляется, а во всем, за что я берусь.

– То есть ты максималист. Тогда насколько сложно ты переживаешь неудачи?

– Очень тяжело. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на меня после неудачного боя. Сначала мне нужно выпустить пар, а потом бывает необходимо посидеть и подумать о том, что произошло.

– Приходилось ли тебе отыгрываться при крупном отставании?

– Да. Самый впечатляющий отыгрыш у меня случился на юниорском первенстве мира. Я проигрывал 8:14, но в итоге смог догнать соперника и победить. Это было примерно пять лет назад. Фехтова-

ние – такой вид спорта, где все возможно. А в сабле так и тем более все может очень быстро поменяться.

– Как тебе работается под началом отца – легче или тяжелее?

– Непросто. Когда я выигрываю и вижу его счастливое лицо, это приятно. А вот когда пропускаю удары или проигрываю, мне тяжело видеть его грусть. А в плане работы, тренировок он мне очень много дает, включая психологические моменты. Он ведь знает меня досконально, как никто другой.

– Раньше у вас в команде капитаном был твой брат, а сейчас?

– Все так и осталось. Он всегда будет капитаном вне зависимости от моих результатов. Для этой роли важны не результаты, а человеческие качества, по крайней мере у нас. Брат старше – и он капитан.

– Вы конкурируете друг с другом?

– Только на дорожке, а в жизни нет. Нет никакой ревности к результатам друг друга. Семья гораздо важнее всего этого. Если брат выиграл, значит, я тоже победил.

– Как ты оцениваешь ваши шансы попасть на Олимпиаду командой?

– Считаю, они есть. Бог нам их дает, а наша задача – суметь ими воспользоваться.

– При такой семье трудно дома избежать разговоров о фехтовании?

– Мы очень много говорим о фехтовании. И мне это нравится, это моя жизнь. Жена тоже начинает понимать потихоньку. Когда смотрит, может, и не очень разбирается во фразах, но она чувствует, что происходит на дорожке.

– Она тоже спортсменка?

– Нет, в прошлом она модель.

– Слышала, что вы тренируетесь не только дома, но и у нас в России. Это правда?

– Отчасти. Мы действительно были у вас на международном тренировочном сборе на Круглом перед «Московской саблей». Приезжаем на него каждый год, а так в основном работаем дома. У нас неплохие условия. Хотя, конечно, всегда хочется, чтобы было лучше.

– Пока еще рано заглядывать так далеко в будущее, но собираешься ли ты пойти по стопам отца и тоже стать тренером?

– Пока не знаю, но все возможно. Однако сейчас я сосредоточен на карьере спортсмена. 📧

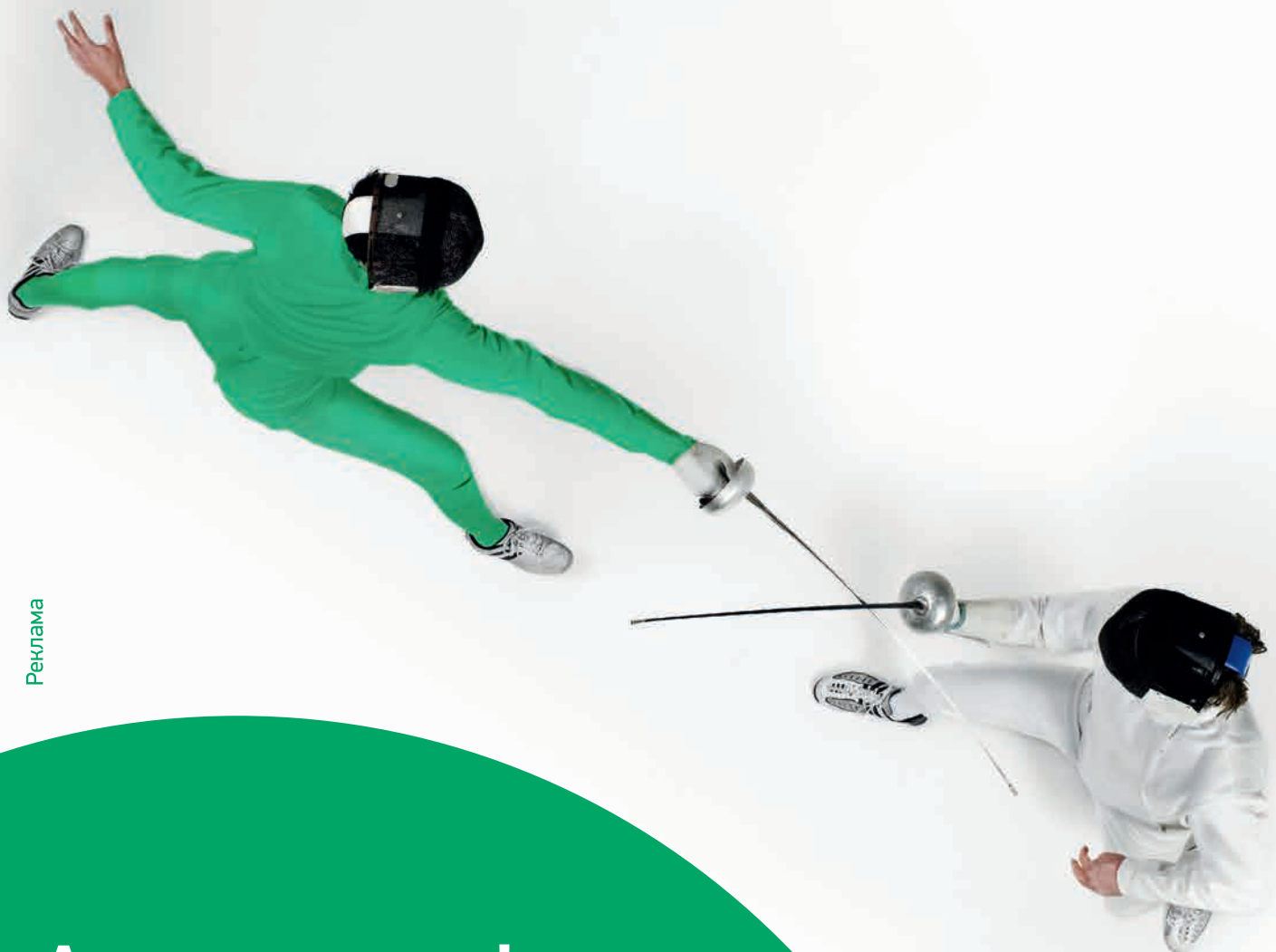

**движение
к цели**

+7 (495) 225-27-27

Точное решение транспортных задач. Группа компаний «Н-Транс» – ведущий транспортно-инфраструктурный холдинг на российском транспортном рынке. В состав группы входит крупнейший частный железнодорожный оператор России – группа Globaltrans (ОАО «Новая перевозочная компания», ООО «Севтехнотранс», ООО «БалтТрансСервис») и крупнейший контейнерный портовый холдинг в России – группа Global Ports (ОАО «Петролеспорт», ООО «Моби Дик», ООО «Восточная стивидорная компания», ЛП «Янино»).

Реклама

Ан гард! Закачайтесь!

Быстрый интернет
от МегаФона

МЕГАФОН

